

Фредерик Марриет

Служба на купеческом корабле

Фредерик Марриет

Служба на купеческом корабле

«Public Domain»

1832

Марриет Ф.

Служба на купеческом корабле / Ф. Марриет — «Public Domain»,
1832

«В 17.. году, в скучный туманный месяц, навевающий
человеконенавистничество и желание покончить с собой, в тот месяц,
когда солнце встает, но не светит, дает свет, но не вселяет в нас радости
веселыми лучами, когда только большие сальные свечи помогают купцу
подсчитывать свои барыши, а философу ясно видеть свои потери, то есть в
ноябре, Эдуард Форстер, который долго служил на флоте ее величества, сидел
в удобном кресле в удобной гостиной удобного коттеджа, куда он переехал,
получая пенсию после серьезной раны, зажившей много лет тому назад, но
раскрывавшейся каждую весну...»

Содержание

Глава I	6
Глава II	10
Глава III	13
Глава IV	16
Глава V	19
Глава VI	22
Глава VII	26
Глава VIII	28
Глава IX	30
Глава X	33
Глава XI	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Фредерик Марриет

Служба на купеческом корабле

* * *

Глава I

В 17.. году, в скучный туманный месяц, навевающий человеконенавистничество и желание покончить с собой, в тот месяц, когда солнце встает, но не светит, дает свет, но не вселяет в нас радости веселыми лучами, когда только большие сальные свечи помогают купцу подсчитывать свои барыши, а философу ясно видеть свои потери, то есть в ноябре, Эдуард Форстер, который долго служил на флоте ее величества, сидел в удобном кресле в удобной гостиной удобного коттеджа, куда он переехал, получая пенсию после серьезной раны, зажившей много лет тому назад, но раскрывавшейся каждую весну.

Место, окружавшее его дом, не было так приветливо, как сам коттедж. Дом стоял на горе, которая оканчивалась отвесным обрывом. Берег этот возвышался над частью Атлантического океана, в этом месте носящей название «Ирландское море». Форстер всю свою жизнь был моряком и всегда с прежним удовольствием слушал стон и свист ветра. Даже ночью, лежа в гамаке, он, просыпаясь от порывов бури, только крепче завертывался в одеяло.

Финансы Форстера не позволяли ему допускать в жизни роскоши, и напиток местной перегонки заменял для него вино. Он сидел, поставив ноги на каминную решетку, держа в руке стакан виски, уйдя в воспоминания о счастливом прошлом, полном надежд, надежд несбывшихся, и постоянно разбивавшихся мечтаний и грез. Стояла бурная ночь. Дождь то громко стучал, то прекращался, точно давая пищу ветру, который в такие промежутки налетал с новой силой и проникал в каждую щелку. Время от времени ковер в маленькой комнате поднимался над полом и надувался под напором Дыхания бури. Единственная свеча, фитиль которой, благодаря небрежности Форстера, не только стал необычайно длинен, но даже на своем конце превратился в гриб, каждую минуту могла потухнуть; деревянные занавеси на окне торжественно покачивались из одной стороны в другую. Вдруг прозвучал пушечный выстрел, нарушивший глубокую задумчивость Эдуарда Форстера. Форстер вскочил, уронил книгу и качнул локтем стол, вследствие чего большая часть содержимого стакана расплескалась. Корона из сажи на светильнике тоже упала от этого толчка, и свеча, освобожденная от своего груза, загорелась ярче.

– Господи помилуй, мистер Форстер, вы слышали? – закричала вбежавшая в комнату старуха-экономка, единственная обитательница коттеджа, кроме Форстера.

– Да, – слышал, миссис Безлей, – ответил Эдуард. – Это сигнальный выстрел гибнущего судна. Оно, вероятно, близ страшного подветренного берега. Дайте мне шляпу.

Он допил свой стакан, надел шляпу, которую ему подала старуха, и выбежал из дома. Дверь, выходящая к морю, резко распахнулась, и Форстер исчез в темноте ночи.

Старая экономка, на долю которой выпала задача закрыть дверь, увидела, что это нелегкое дело, к тому же дождь попадал внутрь дома и был неприятным душем для женщины, жестоко больной ревматизмом. Наконец ей удалось добиться желанного результата, и она укрылась в комнату, снова зажгла свечу, которую задул ветер, и стала ждать возвращения своего господина. После града восклицаний миссис Безлей села в кресло Эдуарда, помешала кочергой в камине и выпила стаканчик виски с водой. Когда ее платье высохло, а стакан был осушен, своим звучным храпом старушка возвестила, что она находится в счастливом состоянии забвения. В этом положении мы и покинем ее, а сами проследим за Эдуардом Форстером.

Когда он подверг себя злобе непогоды, было около семи часов вечера. О, как прелестны были вечера всего за несколько недель перед тем! Солнце, исчезавшее за отдаленными волнами, оставляло позади себя часть своего сияния, блестящего до тех пор, пока звезды, послушные божественному закону, не зажигались, чтобы светить в ночи; море рябило на песчаном грунте или заливалось в расщелины скал; оно изменяло свою окраску по мере медленного угасания света, делалось темнее, из лазоревого становилось все более и более серым до

тех пор, пока мрак не сгущался и не скрывал его так, что оставалась видной только линия горизонта.

Теперь все было иначе: завывание ветра и грохот волн, ударявшихся о скалы, с которых вода стекала потоками, глушили Форстера. Дождь и брызги били ему в лицо, и он обеими руками удерживал шляпу на голове; стояла такая густая, черная тьма, что он только изредка мог различать широкий пояс пены, которым был окаймлен берег. Но Форстер шел к отмели, и ее теперь нужно описать подробнее.

Как мы заметили раньше, коттедж стоял на высоком берегу, кончавшемся отвесным обрывом высотой ярдов в двести и обращенным прямо на запад. С северной стороны берег на протяжении многих миль образовывал непрерывный ряд утесов, которые сулили почти неминуемую гибель судам, но к югу от утеса, который выступал в виде полуострова против коттеджа Форстера, была глубокая впадина в линии берега, представлявшая собой песчаную и почти совершенно замкнутую сушей бухту, правда, маленькую, но до того защищенную, что всякое судно, вошедшее в нее, могло бы с безопасностью ждать там окончания бури.

Близ этого залива, в маленьком доме жил рыбак со своей семьей, компаньон Форстера, который выстроил на свои средства баркас и летом почти не покидал его, К этому коттеджу и направлялся Форстер. Подойдя к дому рыбака, он сильно постучался в дверь.

– Робертсон, Робертсон! – во весь голос крикнул Форстер.

– Его нет дома, мистер Форстер, – ответила Джейн, жена рыбака, – он пошел смотреть на судно.

– В какую сторону пошел он?

Раньше, чем Джейн успела ответить, появился сам Робертсон.

– Я здесь, мистер Форстер, – сказал он, снимая меховую шапку и выжимая из нее воду, – только я не видел судна.

– А все-таки, судя по звуку пушечного выстрела, оно должно быть близ берега. Возьмите несколько связок хвороста из сарая и разведите костер побольше; не скупитесь, я вам заплачу.

– Я и даром зажгу костер, сэр; надеюсь, что они поймут сигнал и выбросятся на берег в этой бухте. Вот, опять пушка!

Второй выстрел, прозвучавший гораздо громче первого, доказал, что судно быстро подходило к земле, а судя по тому, откуда донесся звук, стало ясно, что оно шло к скалистому полуострову.

– Живо, живо! – крикнул Форстер. – Я пойду на утес и постараюсь отдалить его от камней.

Они расстались, чтобы заняться добрым делом.

Не без труда и не без опасности Форстеру удалось исполнить свое намерение, и, когда он добрался до вершины, сильный порыв ветра свалил бы его с ног, если бы он не опустился на колени и не ухватился за траву. Шляпу он потерял, и ветер далеко унес ее. В такой позе, промокший от ливня, дрожащий от холода, он несколько минут напрягал зрение, стараясь пронизать темноту ночи; вдруг вспыхнула молния; она зажглась в зените, продолжала свой прихотливый путь зигзагами, пропала за горизонтом, и ее свет показал Форстеру предмет его поисков. Но Эдуард видел его всего несколько мгновений; затем, в силу контраста, ему почудилось, будто пелена застлала его болевшие глаза, и все стало еще чернее, еще ужаснее прежнего. Однако для зренья опытного моряка и короткого мгновения оказалось достаточно. Он заметил, что выстрел дал большой корабль, находившийся приблизительно в миле от суши; что он шел под зарифленными парусами; что его бушприт то вздымался к небу, когда судно поднималось на мешавшую его ходу грядку, то, окруженный пеной, зарывался в бездну вод; что судно походило на громадное чудовище, порождение глубин моря, вырывающееся из сетей, бичуя волны в своем стремлении к свободе.

На берегу бухты ярко горел костер назло дождю и ветру, который, казалось, сначала тщетно старался уничтожить его, а потом раздувал пламя.

«Может быть, он все-таки спасется, – подумал Форстер, – только бы вошел в бухту... Еще пространство длиной в два каната, и он минует мыс».

Корабль показывался на мгновение всякий раз, когда расщепленная молния падала с неба, раскаты грома оглушали, сотрясали воздух.

По мере того, как судно шло вперед, оно в то же время боком приближалось к утесу. Форстер не дышал от тревоги, потому что последняя вспышка молнии показала ему, что еще две секунды – и судьба корабля решится.

Буря усилилась, и Форстеру пришлось держаться за траву изо всех сил и уже не стоять на коленях, а лечь ничком на мокрую землю. Но он все-таки подполз так близко к краю утеса, что, несмотря на лежащее положение мог видеть и море, и корабль. Новая молния. Ее было достаточно.

– Господи, помилуй их души! – крикнул Форстер и прижался лицом к земле, точно желая скрыть от себя жестокую картину.

Он увидел судно на волнах прибоя, но всего в нескольких ярдах от первых, внешних скал; корабль кренился; его передний парус и грот были сорваны с мачт. Напрасно звучали крики о помощи, воплей отчаяния никто не слышал, никто не пытался спастись, и яростная стихия с воем и ревом поглотила свои жертвы.

Точно удовлетворенная уничтожением, буря начала мало-помалу ослабевать, и Форстер, пользуясь минутой затишья, медленно спустился на отмель. Там он застал Робертсона, который продолжал подкладывать хворост в костер.

– Не тратьте больше топлива, мой милый, все кончено; бывшие на палубе судна теперь уже перешли в вечность, – печально произнес Форстер.

– Он утонул, сэр?

– Да, на первой гряде; теперь некому увидеть нашего маяка.

– Да будет Господня воля, – сказал рыбак. – А все-таки я не потушу костра, потому что, если кто-нибудь чудом попал в нашу тихую бухту, он может спастись.

И рыбак подкинул в костер еще несколько связок хвороста, потом принес из своего дома для Форстера красный шерстяной колпак вместо его погибшей шляпы и вместе с ним сел подле костра, чтобы согреться и обсушить насквозь промокшее платье.

Робертсон еще раз подбавил топлива в костер; его яркое пламя отразилось в воде залива; вдруг Форстер увидел что-то плывшее к берегу. Он указал на это рыбаку; они вместе подошли к самой воде и с глубоким вниманием стали ждать приближения неизвестной вещи. Это, кажется, не человек, сэр, – помолчав, заметил Робертсон.

Я не могу понять – ответил Форстер, – но мне вроде кажется, что это животное... и, конечно, живое.

Минуты через две вопрос выяснился: они увидели! большую собаку, которая несла во рту что-то белое и плыла туда, где они стояли. Робертсон и Форстер стали подзывать бедное животное, чтобы ободрить его, потому что собака, по-видимому, очень устала и двигалась медленно. Но все же они с удовольствием видели, что пес миновал линию прибоя, который даже в эту минуту был не силен в бухте; вот бедное животное вышло на землю, вода так и лила с мохнатого тела собаки; она еле держалась на ногах, но все же не выпускала изо рта своей ноши и, наконец, положив ее к ногам Форстера, стала отряхиваться. Эдуард поднял предмет заботливости животного: это было тело грудного ребенка, очевидно, нескольких месяцев от роду.

– Бедненький! – печально вскрикнул Форстер.

– Это мертвое дитя, сэр, – сказал Робертсон.

– К сожалению, кажется, да, – ответил Форстер, – но, вероятно, ребенок умер недавно; собака, очевидно, держала его над водой, пока не попала в волны прибою. Кто знает, может быть, дитя только без чувств, и нам удастся его оживить.

– Если его что-нибудь способно оживить, то, конечно, тепло женской груди, к которой он еще недавно прижимался. Джейн возьмет ребенка к себе в постель и уложит со своими малютками.

Рыбак вошел в дом; Джейн раздела ребенка с нежностью, которую внушало ей материнское чувство, и взяла его к себе. Через четверть часа, к восторгу Форстера, Робертсон вышел из коттеджа и крикнул, что дитя пошевелилось, заплакало, что появилась надежда на его выздоровление.

– Джейн говорит, сэръ, что это прелестная девочка и что, если малютка останется жива, она будет кормить ее, как кормит нашего Томми.

Форстер пробыл близ бухты еще около получаса и узнал, что девочка стала сосать грудь, а потом заснула. Радуясь, что ему удалось помочь спасти маленькое создание, Эдуард крикнул собаку, бесстрастно лежавшую подле костра, и пошел было домой, но собака подбежала к дверям коттеджа, в который на ее глазах унесли ребенка, и было невозможно отозвать ее от этого порога.

Форстер вызвал к себе Робертсона, дал ему еще кое-какие наставления и вернулся домой, где ему пришлось долго стучать в дверь, прежде чем его экономка проснулась. Проснувшись же, старуха еще долго бранила его за то, что он заставил ее так долго ждать.

Глава II

Форстер скоро заснул крепким сном; он видел дикие, спутанные сны, но я редко беспокою людей рассказами о сновидениях, ведь они – ничто.

Однако нам нужно немного вернуться назад и бросить взгляд на предыдущую историю Эдуарда. Мы можем это сделать теперь без перерыва, потому что те действующие лица, с которыми мы познакомили читателя, спят.

Отец Эдуарда Форстера был священником и хотя мог насчитать около двадцати-тридцати двоюродных, троюродных и прочих братьев с громкими титулами, совершал богослужение в епархии, расположенной недалеко, от той части страны, в которой теперь жил Эдуард. Он принадлежал к числу пчел церкви, собирающих мед, в то время как ее трутни поедают запасы.

Этот труженик каждое воскресенье читал проповеди и служил в трех различных местах и целый год крестил, венчал и хоронил всех жителей в области, занимающей несколько тысяч квадратных акров, за очень жалкое жалование. Получив место, он в скором времени женился на девушке, которая принесла ему в приданое красоту и скромность и подарила несколько детей. Но тот, кто дает, тот и отнимает; из всех детей этой четы только трое дожили до взрослых лет. Джон (его обыкновенно звали Джок) был старшим. Его отправили в Лондон, и там он изучал юридические науки и жил у одного родственника, который взял на себя заботы о нем. У Джок не было способностей; он учился прилежно, запоминал прочитанное, но читал не быстро; впрочем, если он не умел быстро усваивать знания, то вознаграждал это настойчивостью и прилежанием; наконец, только благодаря своим усилиям, Джок достиг хорошего положения в своей профессии. С детства разлученный с семьей, он никогда не мог вернуться домой. Он слышал о рождении различных братьев и сестер; слышал, что они умирали; узнал, наконец, и о смерти родителей; и только это последнее сообщение взволновало и огорчило его; он любил отца и мать и все ждал, что придет время, когда его средства позволят ему облегчить их жизнь. Но все это давно прошло. Теперь он, пятидесятилетний холостяк, бородатый, некрасивый, был неприветлив и неласков. Он жил запершись в своих комнатах, весь ушел в сухую технику своей профессии и делил нравственный мир на две части: честную и бесчестную, законную и противозаконную. Все остальные чувства и привязанности, если они еще и жили в нем, он похоронил где-то в глубине души, и они никогда не появлялись наружу. В то время, о котором идет речь, он продолжал свою трудную, но прибыльную карьеру, работал, как лошадь, вертящая мельничный жернов, и накапливал богатство, впрочем, делая это не из скупости, а вследствие старинной привычки.

Эдуард Форстер не встречал его около двадцати лет; в последний раз он виделся с ним, когда, выйдя в отставку, проезжал через Лондон. Благодаря отсутствию переписки (у них не было ничего общего), Джок не знал, кто из его братьев жив.

Вторым уцелевшим сыном был Никлас. Преподобный мистер Форстер, зная, что он оставит детям в наследство только доброе имя, старался подметить в каждом из них проблески таланта, ведущего к богатству и славе. И вот, когда Никлас еще носил платье девочки, он стал выказывать большое пристрастие к зажигательному стеклу и этим причинял много бед. Он обжег нос собаке, спавшей подле двери. На платье матери виднелись следы его таланта в виде маленьких круглых дырочек, которые значительно увеличивались после каждой стирки. И зажигательное стекло определило судьбу мальчика: его поместили учеником к мастеру, изготовлявшему оптические и математические приборы, мечтая, что из этого положения он поднимется на самые высшие ступени профессии; но вследствие тех или других причин, по недостатку ли таланта или честолюбия, Никлас не смог добраться до верхней ступени этой лестницы и теперь держал лавку в приморском портовом городке Овертоне. Там он чинил испорченные инструменты: сегодня часы, завтра компас; но его главное занятие заключалось в

телескопах, а потому большая вывеска с надписью «Никлас Форстер-оптик» висела над окном маленькой лавочки, и через ее стекла можно было видеть оптика за его занятиями. Это был странный человек; в его мозгу существовала какая-то бороздка, которая не позволяла ему мыслить последовательно и ясно. Он мог жить недурно, потому что у него не было соперника в маленьком городе, и его считали способным человеком. Никлас, единственный из трех братьев, попробовал надеть на себя брачные узы, но об этом мы скажем только, что у оптика был единственный сын и что он женился, отыскав, по собственному выражению, особу, которая совпадала с нужным ему фокусом.

Эдуарда Форстера, младшего брата, мы уже представили читателю. Он всегда выказывал ясно выраженные стремления к мореплаванию. Он пускал в луже скорлупки и посылал куски коры с бумажными парусами по ручью, который журчал близ пасторского дома. Это послужило указанием: его приговорили к морю и приказали вернуться домой Нельсоном. Эдуард Форстер честно служил родине, и если бы у него была возможность продолжать морскую профессию, он, благодаря своим заслугам, конечно, поднялся бы до высших степеней. Но, будучи еще в чине мичмана, Эдуард получил страшную рану и был произведен в лейтенанты. Рана Эдуарда была так серьезна, что ему пришлось уйти со службы, получая половинное содержание. Много лет подряд он все ждал, что будет в состоянии продолжать свою карьеру, но напрасно; рана постоянно открывалась, из нее выходили все новые и новые осколки кости, и он был осужден на вечное разочарование. Когда Эдуард сделал попытку поступить на службу, оказалось, что его заслуги забыты. Он получил холодный отказ, впрочем, почти отвечавший его желаниям, и, не чувствуя себя обиженным, отправился в свой коттедж, в котором вел замкнутую, но не несчастную жизнь. У него были очень небольшие потребности, и половинное жалование более чем удовлетворяло их. Светлая созерцательность, порожденная образованным умом, скорее питавшаяся прежними приобретениями, нежели собиравшая новые запасы, чувство справедливости и привычка хорошо управлять собой составляли главные характерные черты Эдуарда Форстера, которого я теперь разбуду, чтобы вернуться к нашему рассказу.

– Ну, признаюсь, мистер Форстер, недурно вздремнули вы, – закричала миссис Безлей, да так громко, что ее восклицание немедленно положило конец его сну. И она принесла ему горячей воды для бритвы – операции, которая считается наказанием для мужчин. – Ведь десять часов, мистер Форстер, и стоит холодное утро после вчерашней бури. Но, пожалуйста, скажите, что вы видели и слышали?

– Вот оденусь и расскажу, миссис Безлей, – был ответ. Пожалуйста, как можно скорее принесите мне завтрак, потому что мне опять нужно к заливу. Я совсем не собирался так долго спать.

– Что же видно под ветром? – спросила старуха, употребляя одну из его обычных фраз.

– Если вам угодно знать это, то чем скорее дадите вы мне возможность встать с постели, тем скорее я буду в состоянии рассказать вам все.

– А почему вы так долго не ложились? – продолжала экономка, которая хотела получить какие-нибудь вести.

– К сожалению, погребло судно.

– О, Боже, Боже! И люди пошли тоже ко дну?

– Боюсь, что погибли все, уцелела только одна жизнь, да и та еще не наверно.

– Господи! О, Господи! Пожалуйста, мистер Форстер, расскажите мне все.

– Вот оденусь, тогда и расскажу, – ответил Форстер, делая движение, точно готовясь встать с постели, и тем обращая старуху в бегство.

Через несколько минут он уже сидел за столом, завтракал и рассказывал. Покончив с обоими занятиями, он пошел к Робертсону, чтобы узнать о судьбе малютки.

Теперь картина была совсем другая. Море все еще волновалось, и ясное солнце освещало его беспокойную пелену, золотя верхушки волн. Все это было красиво и величаво и не

вызывало ни малейшего ужаса. Атмосфера, очищенная борьбой стихий, была свежа и бодрила человека.

Форстер скоро пришел к коттеджу Робертсона; шум его шагов вызвал из дома рыбака с женой, которая держала на руках спасенную малютку.

– Посмотрите, мистер Форстер, – сказала Джейн, поднимая ребенка, – она совсем здоровенькая и все время улыбается. Что за милый ребенок!

Форстер посмотрел на дитя, которое улыбнулось ему, точно из благодарности, но его внимание отвлекла ньюфаундлендская собака; она царапала Эдуарда лапой, когда же он приласкал ее, побежала на песчаную отмель и, глядя в глаза Форстера, замахала хвостом.

Форстер взял малютку из рук ее новой матери и сказал:

– Бедное создание, ты еле спаслась от гибели. Кто ведает, какие новые опасности ожидают тебя? Но тот, кто велел тебе спастись, знает все лучше нас, бродящих во тьме!

И Эдуард, поцеловав дитя в лоб, передал его Джейн. Форстер решил на время оставить дитя в семье Робертсона, сговорился по поводу этого с ним и его женой, а сам пошел на мыс, чтобы посмотреть, что осталось от погибшего судна. Лежа на вершине утеса, он увидел много соединенных между собою бревен и досок, которые показывались над водой. Желая узнать, что это был за корабль, Форстер по опасной и извилистой тропинке спустился вниз и приблизительно через четверть часа был уже невдалеке от потерпевшего крушение корабля. Но за исключением расштанного скелета судна, крепко засевшего между камнями, не виделось ничего: ни кусков мачт и рей, ни парусов – ничего, что напоминало бы о жизни. Волны все унесли; может быть, также нижние течения увлекли обломки, чтобы снова выкинуть их на поверхность где-нибудь далеко-далеко. Форстер мог понять только, что это был корабль иностранной постройки и имел большой тоннаж. Но кто был на его палубе, какой груз совлекли с него пожирающие волны, нельзя было даже и предположить. На белье ребенка стояло «Ж. де Ф.», и это было единственное указание для определения личности малютки. Больше часа неподвижный, как статуя, Форстер стоял на скале, сложив руки, глядя на бурные волны и погруженный в печальные мысли.

Прошли недели, месяцы; однако все попытки узнать имя погибшего корабля не привели ни к чему. Хотя предположение Эдуарда, что погибший корабль принадлежал к числу многих иностранных Вест-Индских судов, погибших в эту бурную зиму, было правильно, но не нашлось указаний, которые помогли бы отыскать родственников спасенной девочки.

Между тем малютку отняли от груди и перенесли в коттедж Форстера. И Эдуард, и его старая экономка посвящали много внимания девочке, которую Форстер хотел взять себе.

Миссис Безлей, женщина добрая, старая, была сильно привязана к Эдуарду, в доме которого прожила много лет. Но как все женщины, она любила властвовать и часто бранила своего господина так бесцеремонно, точно была его женой. Форстер кротко подчинялся этому и обладал достаточно философским умом, чтобы подчиняться. Ребенок внес новое очарование в его жизнь.

Ньюфаундленд стал скоро отзываться на поистине заслуженную им кличку Верный и всегда спал подле люльки своей маленькой госпожи. Малютке тоже пришлось Дать новое имя.

– Она сокровище, выкинутое океаном, – сказал Форстер, целуя красивую малютку. – Будем же звать ее Амбер – янтарь.

Однако предоставим ей расцветать в невинности и чистоте и перенесем внимание читателя к другим сценам, происходившим в одно время с описанными нами.

Глава III

Так вышло, что Никлас Форстер, о котором мы уже упомянули, перед свадьбой находивший, что жена вполне соответствует его фокусу, скоро оказался близоруким больше, чем следовало бы быть оптическому мастеру.

Какими бы прелестями не отличалась миссис Форстер в эпоху заключения их брачного союза, в то время, о котором говорится в нашей истории, она не могла похвалиться большой привлекательностью. Это была худая маленькая женщина с острым носом и хорьковыми глазами, подозрительная, ревнивая, часто недовольная; ее главное занятие, почти наслаждение, состояло в придумывании проступков мужа; с утра до ночи ее пронзительный голос слышался на всю улицу. Средства позволяли Форстерам иметь только одну прислугу (конечно, миссис Форстер не позволяла ей лениться), которая редко оставалась к их дому дольше месяца, и ничто, кроме немедленно грозящей смерти от голода, не заставило бы девушку предложить свои услуги этой хозяйке дома.

Никлас Форстер, на свое счастье, обладал очень странным темпераментом: ничто никогда не могло вполне рассердить его. Он вечно думал о чем-нибудь постороннем, и когда поступки или речи его жены вызывали в нем вспышки гнева, новое течение мыслей скоро изглаживало из его ума причину этого неудовольствия. Однако, раздумывая о таких припадках, он невольно говорил себе, что будет спокойнее, когда небо отзовет миссис Форстер в лучший мир. Наконец эта идея вполне овладела его воображением. Вечные волнения жены до такой степени нарушали его планы, что, видя невозможность выполнить их, он мысленно откладывал все, что считал важным, на то время, когда миссис Форстер умрет.

– Ну, мистер Форстер, скоро ли вы явитесь к обеду? Бее остынет. (Обед состоял из холодной бараньей лопатки). Или вы совсем не желаете обедать? Бетти, убери со стола; мне нужно дело делать, и я больше не стану ждать.

– Иду, иду, дорогая, только пружину нельзя бросить, – продолжая работать и приставив к глазу увеличительное стекло, ответил Никлас.

– Идите! И Рождество идет, а обед уходит, могу это сказать вам.

Никлас, у которого не было недостатка в аппетите, знал, что раз баранина отправится в буфет, будет трудно извлечь ее обратно, а потому отложил часы и вошел в комнату.

– Вот и я, дорогая, мне жаль, что я так долго заставил тебя ждать. Батюшки! Да ведь баранина-то, действительно, совсем холодная, – сказал Никлас, отправляя в рот большой кусок мяса и совсем забыв, что уже он два раза обедал этой же самой лопаткой. – Я чиню отличные часы мистера Тобина, но, кажется, мое приспособление, когда я его закончу...

– Закончишь, нечего сказать! – колко возразила ему жена. – Когда ты оканчивал что-либо, скажи на милость?

– О, дорогая, – ответил муж с рассеянным видом, – я окончу, когда ты умрешь.

– Когда я умру? – взвизгнула его жена. – Когда я умру! – продолжала она, упирая руки в бока и вскочив со стула. – Предупреждаю вас, мистер Форстер, что я еще долго проживу вам назло. Уж не в первый раз вы говорите это; но, поверьте, я еще протанцую по вашей могиле, мистер Форстер!

– Да ты не поняла меня, я совсем не то хотел сказать.

– Дудки! Именно то и хотел сказать. Вот что я получаю в награду за мои заботы о твоём благосостоянии, за то, что я, как раба, тружусь целыми днями! Но ты неисправим, Форстер; посмотри на себя: ты взял табак из табакерки вместо соли из солонки. Ну, какой же здравомыслящий человек станет есть баранину с табаком!

Ах, Боже мой, правда! – сказал Форстер и стал класть табак не в табакеру, всегда лежавшую подле него, а в солонку.

А кто теперь станет есть соль, дурак? Я не дурак, миссис Форстер, – ответил наконец рассерженный Никлас, – я ошибся; я вижу что ошибся.

Ах; да, ты послала Бетти со стеклами к капитану Симкинсу?

– Конечно, – ответила она. – Не смотри я за твоими делами, не знаю, что было бы! И предупреждаю вас, мистер Форстер, если вы не постараетесь найти больше работы, так нам скоро нечего будет есть. За последнюю неделю я получила только семнадцать шиллингов и шесть пенсов; как мы заплатим этим за квартиру и дрова, за мясо и напитки – объясни, я этого не понимаю.

– Что делать, дорогая? Я никогда не отказываюсь от работы.

– Не отказываешься? Нет. Только ты должен находить больше работы.

– Я могу починить часы и сделать телескоп, но создать дела не могу, – ответил Никлас.

– Можете и должны, мистер Форстер, – продолжала она, унося остатки баранины как раз в ту минуту, когда ее муж мысленно наметил следующий кусок, – а если не сделаете этого, вам нечего будет есть.

– По-видимому, так, дорогая, – сказал кроткий Никлас, борясь за табакерку, – но я, право, не знаю...

– Ах, Форстер, если бы ты не принадлежал к числу величайших...

– Нет, нет, нет, дорогая, – в припадке скромности прервал ее Никлас. – Я не принадлежу к числу величайших оптических мастеров нашего времени, хотя когда я покажу миру мое усовершенст...

– К числу величайших мастеров! – фыркнула она. – Я хотела сказать: «К числу величайших дураков!»

– Это дело другого рода, моя дорогая, но...

– Без «но», Форстер; выслушай и не прерывай меня. Кто когда-нибудь приносит тебе вторично трубку или часы, поправленные тобой?

– Зачем их приносить ко мне после того, как я все там привел в порядок?

– Так зачем приводить их в порядок?

– Зачем? – с изумлением проговорил Форстер.

– Да, почему бы не оставлять где-нибудь неплотно завинченного винтика, чтобы люди опять приходили к тебе со своими вещами? Вот как надо вести дела.

– Мое дело, дорогая, смотреть, чтобы все винты и прочие части были на месте и держались крепко.

– И умирать с голоду, – добавила она.

– Если будет угодно Богу, – ответил честный Никлас.

Появление сына этой четы прервало супружеский дуэт. Мы познакомим читателя с молодым Форстером, так как ему суждено играть в нашем рассказе выдающуюся роль.

Ньютон Форстер (названный так отцом в честь великого сэра Исаака) был семнадцатилетним юношей с атлетической пропорциональной фигурой, красивым лицом и богато одаренным умом. Его открытый лоб носил отпечаток откровенности и искренности, в улыбке сказывалась честность. Отец потратил все свое свободное время и некоторые денежные средства на воспитание Ньютона, надеясь, что со временем юноша сделается соперником того гения, в честь которого получил имя, но Ньютон не выказывал никакого желания сидеть на скамье мастера. Когда ему удавалось вырваться из дому, его всегда можно было застать на пристани, где суда разгружались или принимали на свои палубы товар. Уже давно он сказал, что намеревается сделаться моряком. Отец очень неохотно согласился на это с тем условием, что Ньютон раньше окончит воспитание. Обе стороны решили честно выполнить условия.

В пятнадцать лет Ньютон уже усвоил все, чему мог его научить педагог, и в ожидании чего-нибудь лучшего поступил на береговое судно и на нем сделал много рейсов в течение двух

лет. Каждый рейс продолжался шесть недель, а затем столько же времени Ньютон оставался в порту в ожидании нового груза.

Благодаря образованию, полученному Ньютоном, он, несмотря на свою молодость, занимал место помощника капитана, и его жалование давало ему возможность помогать отцу, еле сводившему концы с концами. Любознательность юноши заставила его как можно лучше вникнуть в профессию отца, и он умел чинить многие вещи, которые присылали в лавку оптика. Хотя Ньютона забавляли странности отца, он глубоко уважал Никласа, и его возмущало обращение с ним матери. Тем не менее, благодаря необычайной тактичности, он умел спокойно противиться ей и приобрести над нею известную власть. И какие бы чувства она не испытывала к сыну во времена его раннего детства, теперь они превратились в положительную ненависть к нему.

Что будет угодно Богу? – входя, спросил Ньютон, услышавший последние слова отца.

Твоя мать говорит, что нам остается или умереть с голоду, или жить нечестно, – ответил Никлас.

– Значит, мы умрем, отец, с чистой совестью; только мне кажется, дело еще не так плохо, потому что я дьявольски голоден, – продолжал Ньютон, поглядывая на стол, украшенный только солонкой и табакеркой. – Ну, мама, вода стоит совсем низко? Или вы все заперли?

И Ньютон подошел к закрытому буфету. Миссис Форстер была с остальными резка, с Ньютоном же одна обращалась сдержанно-угрюмо.

– Там нет ничего, – проворчала она.

– Зачем же вы запираете ничто? – возразил Ньютон. – Полно, мама, дайте-ка мне ключ, и я уж что-нибудь да откопаю там.

Она не согласилась. Тогда Ньютон прошел в лавку, принес оттуда долото и молоток и начал ломать замок.

– Мне очень жаль, что приходится делать это, мама, – сказал он, – но раз вы не даете мне ключа...

Послышался громкий стук молотка о долото.

– Вот ключ, сэр, – с негодованием крикнула миссис Форстер и, бросив ключ на стол, вылетела из комнаты.

Глава IV

Через три недели Ньютон Форстер отплыл с грузом в морской порт Уотерфорд. Капитан баржи неумеренно пил спиртные напитки и, пока она стояла в гавани, редко оставался трезвым. Зато во время самого плавания он воздерживался от опьянения, чтобы благополучно доставить до места порученный ему товар. Все это знали и доверяли капитану Томсону, несмотря на его невоздержанность на суше. Однако с тех пор, как Ньютон поступил к нему на службу, он стал не так строго держаться прежних привычек. Он видел, что в руках Форстера судно пользуется такой же безопасностью, как и при его собственном управлении. Итак, познакомив его со всеми тонкостями мореходного искусства, со всеми опасностями берегового плавания и всецело вручив ему управление баржей, капитан стал время от времени разрешать себе выпить один-другой стаканчик. Привычка пить усиливалась. Скоро глиняная бутылка со жгучим напитком сделалась всегдашней спутницей Томсона; едва ставились паруса и определялся курс, он уходил в свою каюту, наслаждался напитком и, пока бутылка не была осушена, не появлялся на палубе, так как никогда не бывал достаточно трезв для этого. Ньютон был настоящим ответственным хозяином судна.

Ветер, бывший благоприятным, когда подняли якорь, переменился и стал дуть им прямо в лоб раньше, чем баржа потеряла из виду Овертон. На третий день Ньютон увидел множество вещей, пльвших по волнам. Всякий пустяк – хорошая находка для берегового судна, и Ньютон скоро заметил две бочки, несколько досок, обломков и так далее. Когда баржа очутилась посреди всех этих вещей, Ньютон велел спустить лодку и без ведома капитана, спавшего после обильных возлияний, на палубе очутились бочки и разные другие вещи. Лодку снова подняли усилиями Форстера и его экипажа, который состоял из одного взрослого и одного мальчика, потом судно сделало поворот и пошло дальше.

Ньютон понял, что какой-то большой корабль разбился очень недавно. Он видел это по свежести изломов в брусках; они не походили на обломки, долго пробывшие в воде, которые всегда бывают покрыты водорослями и слизью.

Ньютон осмотрел концы рей, но они не были помечены названием судна, на котором недавно находились. На обеих бочках виднелись только начальные буквы, и ничто не указывало на имена их владельцев. Внимание Форстера привлек большой сундук, но молодой человек не хотел его открывать, пока Томсон не выйдет на палубу. Пробуравив бочку, Ньютон убедился, что в них настоящий ямайский ром, и пошел в каюту сказать об этом своему начальнику, зная, что тот останется доволен таким известием.

Не скоро удалось Ньютону разбудить начальника.

– Обломки после крушения.

– Какое, к черту, крушение! – проворчал старый Томсон, бесцеремонно повернулся к Ньютону спиной и снова захрапел.

– Выловлен сундук, сэр, очень большой. Я его не открыл, так как вас не было на палубе. Большой сундук, тяжелый.

– Сундук? Ну так что же? Сундук? К черту его, и дайте мне поспать, – пробормотал старик.

– Две бочки, сэр. Я пробуравил их. В них ром! – крикнул настойчивый Ньютон.

– А? Что? Бочки? Что за бочки?

– Полные рома.

– Рома! Вы сказали там ром? – крикнул старый Томсон, поднимая голову с подушки и глядя на Ньютона остановленным взглядом. – Где ром?

– На палубе; мы выловили бочки из моря.

– Выловили? Они на палубе? – крикнул капитан. Он вскочил на ноги, подбежал к лесенке из кают-кампании, и на четвереньках, босой, очутился на палубе.

Когда капитан удостоверился, что заключается в бочонках, Ньютон предложил открыть сундук.

– Да, – ответил Томсон, налив себе целый стакан рому и собираясь унести его с собой вниз, в каюту. – Откройте его, если хотите, мой мальчик. Вы захватили хороший приз сегодня, и вашу часть составляет сундук; возьмите себе его и все вещи, спрятанные в нем. Только привяжите бочки; позже мы спрячем их в трюме.

Матрос и мальчик вполне согласились с этим разделом добычи, надеясь, что время от времени им тоже будут перепадать стаканчики рома.

Они прошли на нос и налили себе рому, а через полчаса Ньютон позвал мальчишку, поставил его на руль, сам же отнес сундук вниз, в каюту, где увидел Томсона; старик допил кружку и теперь неподвижно лежал в полном оцепенении.

Ньютон сломал замок сундука и осмотрел вещи, хранившиеся в нем; большей частью это были принадлежности женского и детского туалета, кроме того в сундуке лежала большая связка писем на имя Луизы де Монморанси; содержание их осталось для Ньютона тайной, так как он не знал французского языка. Там же он нашел красную сафьяновую шкатулку, в которой хранилось несколько бриллиантовых украшений и три или четыре ордена. На всех женских вещах стояли буквы «Л. де М.», а на детских – «Ж. де Ф.».

Ньютон все рассмотрел, разостлал платье на ларях и на столе, драгоценные вещи спрятал в надежное место и вернулся на палубу. Хотя Томсон и подарил ему сундук и все спрятанное в нем, Форстер, не считая вещи своей собственностью, решил, по возвращении домой, посоветоваться с отцом и постараться отыскать законных владельцев своей находки.

Два дня баржа шла под прежним ветром, потом погода изменилась. Правда, ветер все еще дул в том же направлении, но на небе стали собираться облака, и солнце село в темно-красном зареве, а это предвещало бурю с норд-веста. Действительно, еще до утра судно запрыгало по коротким волнам. К полудню буря разыгралась вполне, и Ньютон, видя, что баржа не слушается, пошел к капитану, чтобы спросить его, как поступать.

Судно шло под зарифленным гротом, почти скрываясь под волнами, когда Ньютон начал будить Томсона, который уже проспал ночь, так что теперь его легче было поднять, чем прежде.

– А? Что? Сильный ветер? Да, да... А какой ветер? – спросил он, вставая с койки.

– Норд-вест; при шквалах изменяется в норд-норд; вест. Со вчерашнего вечера мы потеряли добрых десять миль и теперь идем близ песков Дедден, – ответил Ньютон. – Мне думается, нужно поторопиться, так как по всему видно, что ветер не упадет.

– Через мгновение я буду на палубе, мой мальчик, – сказал Томсон, который теперь совсем оправился и старательно надевал башмаки, единственную часть одежды, которую сбросил, чтобы лечь спать. – Идите наверх, приглядите за молодцами... да привяжите бочки. Скверное место Дедденские мели, только недаром я сорок лет толкался близ этого берега...

Через минуту Томсон уже был на палубе и раздавал деятельные приказания.

Поставленное по ветру судно летело и меньше чем через два часа было невдалеке от суши.

Вот миновали и голову мели, и через несколько минут судно должно было войти в спокойную воду.

– Теперь можно выпить капельку! – крикнул Томсон, считавший, что его воздержание продолжалось достаточно долго. Он подошел к бочке рома, привязанной у левого борта. Старый капитан стал на колени, чтобы вынуть втулку, но в эту минуту на повернувшееся судно налетела сильная волна и страшно накренила его; привязь, которая удерживала бочки, лопнула; бочка сбила с ног несчастного Томсона, прокатилась по палубе и перескочила через борт в воду. Старик со стоном повалился на спину; матрос и мальчик подбежали к нему и по указа-

ниям Ньютона, который не мог отойти от руля, от» Несли старика в каюту, где и положили на постель. Через несколько мгновений судно уже было в тихой вода, Ньютон прибежал в каюту. Край бочки пробил голову Гомсона; часа два он тяжело дышал, потом его не стало.

Глава V

На следующий день останки Томсона были перенесены на берег и погребены на кладбище рыбацкого городка, стоявшего в миле от того порта, в котором остановилось судно. Ньютон нанял второго работника, и когда волнение утихло, закончил рейс.

Груза готового не нашлось, поэтому Ньютон решил передать судно его владельцу, жившему в Овертоне, вернулся с балластом и принес весть о смерти Томсона.

Ньютон спросил у отца совета по поводу сундука, но Никлас мало помог ему в этом отношении. После долгих рассуждений, старик решил временно отложить этот вопрос, как и многие другие затруднения.

Во время совещания отца с сыном появились мистер Драгуел и мистер Хильтон.

Драгуел, местный пастор, маленький толстый человечек, вечно сидел на самом кончике стула, откидываясь на его спинку, и при этом крутил одним большим пальцем вокруг другого. Он был добродушен и шутлив: смеялся на шутки, но понимал их значительно позже, чем они были сказаны. Вообще мысли его двигались медленно, точно поток лавы, а потому он, хотя и смеялся над смешными вещами, но никогда не в одно время с остальными, а на четверть или на полминуты позже их. Когда собеседники уже говорили о других вещах, вдруг слышалось его сердечное «Ха-ха-ха!»

Мистер Хильтон, владелец судна, высокий полный человек, много лет командовал береговиком; наконец, путем маленькой контрабанды скопил достаточные деньги и купил на них собственную баржу. Это был веселый, добродушный малый, очень любивший свою трубку, а еще больше – свое береговое судно, доставлявшее ему весь комфорт. Большую часть дня он сидел у дверей дома, обращенного к гавани, перекидывался замечаниями с каждым прохожим, всегда затрагивая одну и ту же тему – свое судно. Если баржа стояла на якоре, он показывал на нее пальцем и говорил: «Вот она». Если судно было в плавании, он объяснял, когда оно ушло, когда может вернуться. Все его мысли сосредоточивались на нем.

Мне следовало упомянуть, что с Драгуелом неизменно появлялся мистер Спинней, приходский конторщик, маленький худощавый человек с седыми редкими волосами, висевшими по обеим сторонам его лысого черепа.

В церкви ли, или вне храма, он всегда вторил своему главе и на громкое «Ха-ха-ха!» священника отвечал тоненьким «Хи-хи-хи!».

– Мир дому сему, – сказал пастор, переступая через порог. Он знал характер миссис Форстер и потому, радуясь своему остроумию, сопровождал эту шутку смехом.

– Хи-хи-хи, – ответил Спинней.

– Здравствуйте, мистер Форстер. Как поживает ваша добрая леди? – спросил он.

– Она наконец на привязи, – прервав Драгуела, заметил Хильтон.

– Кто? – с изумлением спросил священник.

– Да моя баржа.

– О, я думал, вы говорите о миссис Форстер. Ха-ха-ха!

– Хи-хи-хи!

– Не угодно ли присесть, – предложил Никлас и повел гостей из лавки в комнату.

– Надеюсь, вы здоровы, мистер Драгуел? – резко сказала миссис Форстер, которая не могла быть вежливой даже из уважения к платью священника. – Возьмите стул; он весь в пыли, но Бетси такая ленивая дрянь.

– Ньютон лучше всех управляет ею, – заметил Хильтон.

– Ньютон! – взвизгнула хозяйка дома. – Ньютон управляет Бетси?

– Да нет, моей береговушкой!

Ньютон расхохотался, за ним засмеялись его отец и Хильтон.

- Да, печально, печально, – заметил Хильтон, когда смех затих. – Такая ужасная смерть!
- Ха-ха-ха, – разразился пастор, который только что понял шутку с Бетси.
- Хи-хи-хи!
- Кажется тут нечего смеяться, колко заметила миссис Форстер.
- Чудесная шутка, уверяю вас, – произнес Драгуел. – Но, мистер Форстер, я думаю, нужно перейти к делу. Где бумаги, Спинней? – Клерк вынул инвентарь вещей покойного Томсона и положил его на стол. – Печальное происшествие, – продолжал пастор, – очень печальное, но мы все умрем...
- Да, слава Богу, – рассеянно произнес Никлас.
- Слава Богу? – спросила его жена. – Как? Вы хотите умереть?
- Нет, дорогая, – ответил Никлас, – я думал не о себе...
- Поверьте, уж она-то долго проживет, – заметил Хильтон. – Я ее привязал, она вполне здорова.
- Ньютон засмеялся, понимая недоразумение.
- О ком вы говорите? – спросил Никлас.
- Да о моей барже, конечно, – заметил Хильтон.
- Ха-ха-ха! – разразился священник, поняв, почему недавно смеялся Ньютон.
- Хи-хи-хи! – вторил Спинней.
- Этот смех возмутил миссис Форстер, и она с криком: «Пивная больше подходит для таких разговоров!» – выскочила из комнаты.
- Помолчали; священник покрутил пальцами.
- А ведь она премиленькая, правда? – заметил Хильтон, обращаясь к Ньютону.
- Никлас Форстер, мрачно думавший в эту минуту о своей жене, покачал головой, не поднимая глаз; Ньютон сделал утвердительный знак судовладельцу.
- Очень удобная для жизни, – продолжал Хильтон. Новое отрицательное движение Никласа, новый утвердительный кивок головы Ньютона.
- Я думаю, вы могли бы управлять ею, Форстер? – сказал Хильтон. – Скажите, как повашему?
- О, это невысказано! – сказал Никлас.
- Невысказано, мистер Форстер? – спросил Хильтон. – Ну, а я лучшего мнения о Ньютоне; я думаю, для него это возможно.
- Ну, конечно, больше, чем для меня; но все же пока она не... – начал было Форстер.
- Она красавица!
- Миссис Форстер – красавица? – крикнул Никлас, глядя на Хильтона изумленными глазами.
- Ньютон и Хильтон захохотали.
- Нет, нет, – ответил Хильтон, – я говорил о моей барже.
- Но не приступим ли мы к делу? У вас есть трубки, мистер Форстер? Ну, мистер Драгуел, что вы сказали?
- Ха-ха-ха!! – залился священник, только что понявший последнее недоразумение.
- Принесли трубки, несколько кружек портера.
- Прекрасная, успокоительная вещь трубка!
- Прошло около получаса; никто не сказал ни слова, и комната наполнилась грациозными клубами и лентами... дыма.
- Прежде всего докурил Хильтон; он высыпал пепел на стол и, вновь набивая трубку табаком, заметил:
- Очень грустное дело.
- Остальные молчаливо кивнули головами. Трубка была зажжена; все снова затихло. Новая трубка опустела.

– Просматривая списки, – сказал Драгуел, – я вижу, что вещи не очень ценны: меховая фуражка, круглая шляпа, плисовые панталоны... Все это не стоит и двух фунтов, – продолжал он, набивая трубку. Пастор закурил и снова умолк. Третьим заговорил Никлас.

– Мне кажется... – начал он; но что ему казалось пропало, потому что в его воображении замелькала новая идея, и он, без дальнейших рассуждений, закурил вторую трубку.

Минут через десять после этого Спинней передал кружку портера Драгуелу, тот передал ее соседу. Пили все поочередно и дымили по-прежнему.

Неизвестно, сколько времени еще продлилось бы это кабинетное совещание, если бы тишина не была нарушена самым худшим ее врагом – языком женщины.

– Ну, мистер Форстер, и вы, джентльмены, не собираетесь ли вы меня отравить? Недостаточно ли для вас этого зловония и грязи? Долго ли еще это будет длиться? – закричала миссис Форстер, врываясь в комнату. – Знаете, мистер Форстер, вы уже лучше прямо вывесьте над дверью вывеску и заведите здесь пивную. На вывеске изображено будет: «Голова дурака». И вам не стыдно себя самого, мистер Драгуел? – прибавила она, обращаясь к пастору. – Ведь вы должны были бы показывать своим прихожанам пример!

Мистера Драгуела совсем не восхищали подобные выговоры, поэтому, вынув изо рта трубку, он ответил:

– Уж если ваш муж повесит вывеску, я посоветую ему прибить вас над дверью, под названием «Добрая женщина», только, конечно, без головы. Ха-ха-ха!

– Хи-хи-хи!

– Хи-хи-хи! Ах ты, жалкая анатомия! – закричала миссис Форстер, в полном бешенстве обрушиваясь на клерка, так как она не смела обрушить месть на самого Драгуела. – Вот тебе за твои «Хи-хи-хи»! – И она ударила оловянной кружкой, которую схватила со стола, по лысому черепу Спиннея; тот упал со стула и рухнул на посыпанный песком пол.

Остальные мгновенно очутились на ногах. Ньютон отнял у матери ее оружие и бросил его в угол. Никлас был в ужасе. Он почувствовал, что скоро настанет и его очередь, и не ошибся.

– А вам не стыдно, мистер Форстер, что со мной так обращаются? Вам не стыдно было привести в дом компанию пьяных людей, чтобы оскорблять меня? Прикажете им уйти из дому или нет? А? Будет у нас покой когда-нибудь?

– Да, милочка. – Ответил смущенный Никлас. – Да, будет... со временем. Когда ты...

Миссис Форстер бросилась к мужу с бешенством дикой кошки. Увидев хозяина дома в опасности, Хильтон подставил ей ногу, и она упала ничком на пол, да так стремительно, что ушиб ошеломил ее. Ньютон поднял мать и с помощью своего отца унес ее на верхний этаж и уложил в постель.

Бедного Спиннея подняли; он мало-помалу приходил в себя. Прибежала на помощь Бетси.

– О, дорогой мистер Драгуел, как вы думаете, он умрет? – спросила она.

– Нет, нет; принесите воды, Бетси, и брызните несколько капель ему в лицо.

– Лучше унесите его домой, как он есть, – возразила Бетси, – да скажите, что он убит; когда миссис об этом услышит, она до смерти перепугается и хоть на время присмирееет.

– Отличная мысль, Бетси, мы накажем ее за поведение, – ответил Хильтон. Пастор одобрил этот план. Мистера Спиннея посадили в кресло, закрыли столовой салфеткой, и два человека, которых отыскала Бетси, понесли его к пасторскому дому. Все это случилось раньше, чем Ньютон с отцом вышли из той комнаты, в которой лежала миссис Форстер в очень печальном виде. Ее острый нос получил перелом и загнулся в сторону, бровь была рассечена до кости.

Через полчаса по городу разошлось известие, что миссис Форстер убила Спиннея и что его мозг брызнул на окно лавки.

Глава VI

Мистер Драгуел уже упомянул о своей жене, поэтому необходимо только прибавить, что у него была и дочь, красивая, живая девушка, помолвленная с мистером Рамсденом, новым местным врачом.

Фанни Драгуел отличалась множеством хороших качеств, но в ней были также черты довольно сомнительного свойства. Она доставила ей больше врагов, чем она могла бы ожидать в своем возрасте. Она страстно любила устраивать разные шутки и в этом отношении доходила до крайностей. Впрочем, надо сказать, что своими жертвами девушка, по большей части, выбирала таких людей, которые вполне заслуживали наказание за свое обращение с себе подобными.

Поэтому, когда отец рассказал ей обо всем, что случилось, а также о замысле наказать миссис Форстер, Фанни увлеклась этим предприятием. Она давно терпеть не могла миссис Форстер; кроме того, злая женщина недавно оскорбила ее жениха Рамсдена, назвав его «щенком, позолотчиком пилюль». Деятельный и изобретательный ум Фанни немедленно сочинил такой план действий, который мог завести шутку гораздо дальше, чем желали первоначально задумавшие наказание. Рамсден, которого вызвали к бедному Спиннею, сделался ее единственным поверенным и, после долгого сопротивления, согласился помогать ей.

Поздно вечером от Ньютона пришла записка, в которой он просил врача навестить его мать. Рамсден только что побывал у старого Спиннея, который уже пришел в себя и жаловался только на глубокий порез на виске, разбитом краем оловянной кружки.

Получив на прощанье несколько наставлений от мисс Драгуел, Рамсден отправился в дом Форстера.

– Боюсь, что дело плохо, мистер Форстер, – сказал он Ньютону, который спросил его о Спиннее. – Очевидно, сотрясение мозга; может быть, он выживет, может быть, нет; через несколько дней видно будет; он бедный, слабый старик.

Ньютон глубоко вздохнул.

– Что? А? – спросил Никлас, когда врач осмотрел Миссис Форстер. – Что с женой?

– Ничего, с вашей супругой все в порядке.

– Пожалуйста, придите завтра утром и скажите, как здоровье мистера Спиннея, – попросил Ньютон.

Рамсден горячо пожал протянутую ему руку молодого человека и ушел; ему на смену в комнату явилась Бетси с припарками, приготовленными в кухне. Желая отплатить своей госпоже за удары, которые падали на нее, она, входя, заметила слезливым тоном:

– Ах, мистер Ньютон, какие ужасные новости! Мистер Спинней умрет, и мою миссис теперь повесят.

Миссис Форстер не произнесла ни слова, Ньютон и Никлас переглянулись; их молчаливая душевная мука выразилась только в том, что они оба закрыли руками лица.

Когда Хильтон и пастор задумали напугать миссис Форстер, было решено как-нибудь устранить с дороги не особенно податливого Ньютона. Хильтон уже высказал желание поручить ему свое судно, теперь же предложил отослать его в Уотерфорд с грузом дранки. На следующее утро, рано, судовладелец пришел в дом Форстера и позвал Ньютона. Ньютон, целую ночь не снимавший с себя платья, вышел к нему навстречу.

– Ну, Ньютон, как здоровье вашей матери? – сказал Хильтон. – Надеюсь, вы на меня не сердитесь? Конечно, несчастный случай произошел по моей вине, но я не мог видеть, чтобы с вашим почтенным отцом обращались таким образом!

– С краской стыда сознаюсь, Хильтон, что она заслужила все это, – сказал Ньютон. – Но меня очень пугает мистер Спинней. Вы слышали о нем утром?

– Нет, но говоря между нами, Ньютон, доктора все преувеличивают. Он поправится, поверьте мне. Я никогда не слышал, чтобы можно было бы убить человека оловянной кружкой. Итак, не бойтесь. Я пришел сказать, что вчера вечером получил письмо от Рептона. Он говорит, что по контракту дранку нужно доставить до десятого числа будущего месяца; что он просит меня немедленно отправить с грузом мою баржу, так как в противном случае он наймет другое судно. Вам лучше всего немедленно двинуться; дует славный, попутный для вас ветерок.

– Право, мистер Хильтон, мне очень не хочется бросать дом в такую минуту.

– Как угодно, – с видимым неудовольствием ответил Хильтон. – Я предложил вам управлять моим судном, а теперь вы не хотите послужить моим интересам только потому, что две головы разбиты!

– Извините, – сказал Ньютон, – конечно, я неправ.

Я скажу пару слов отцу и меньше чем через полчаса буду уже на палубе.

– Я вас встречу там и принесу бумаги. Торопитесь же, не то пропустите время.

Отец Ньютона согласился отпустить его, и молодой человек уже готовился уйти из дому, но в дверях столкнулся с Рамсденом.

– Мистер Рамсен, – сказал ему Ньютон. – Владелец судна желает, чтобы я тотчас же отплыл, но если, по вашему мнению, жизни мистера Спиннея грозит опасность, я откажусь от управления баржей, чтобы не оставить мою мать среди таких тревог. Прошу вас, не скрывайте от меня истины.

– Можете спокойно отплыть, если хотите, мистер Форстер; с удовольствиям могу вам сказать, что мистер Спинней поправляется, и в первое же воскресенье по возвращении вы его увидите за конторкой.

– Значит, отправляюсь. До свидания, мистер Рамсен. Очень вам благодарен.

С облегченным сердцем Ньютон вскочил в шлюпку, которая должна была отвезти его на палубу судна Хильтона, и через несколько минут отчалил, направляясь к югу.

Рамсен вошел в дом; его встретила Бетси.

– Вот, Бетси, – сказал он, – вы хотели уверить миссис Форстер, что Спинней умер, но совсем не думали, что это так и есть.

– Господь с вами, что вы говорите!

– Правду; но до поры до времени это нужно скрыть, пока мы не устраним миссис Форстер. Как сегодня она чувствует себя?

– Не двигается и зла.

– Как вы чувствуете себя, миссис Форстер? – спросил молодой врач, войдя в комнату. Можете ли вы встать с постели?

– Встать? Не могла бы даже ради спасения души. Я и на бок-то не могу поворачиваться.

– Жаль, очень жаль, – ответил доктор, – я надеялся, что вы можете вынести путешествие.

– Путешествие, мистер Рамсен? Путешествие?

– С печалью должен объявить вам, что мистер Спинней умер. Начнется прокурорское расследование. Ну, и мне кажется, было бы хорошо, если бы вас не нашли, потому что, конечно, вынесут приговор: «Умышленное убийство».

– Боже, Боже! – вскричала миссис Форстер и, ломая руки, выскочила из кровати. – Что мне делать? Что делать?

– Теперь о его смерти еще никто не знает, но долго так продолжаться не может. Мисс Драгуел, которая сочувствует вам, просила меня никому не говорить об этом. Если вы согласны принять ее, она придет поговорить с вами о ваших делах. Печально, миссис Форстер, попасть в такое положение по милости глупого мужа.

– Уж и не говорите, мистер Рамсен, – едко заметила она. – Таких болванов Бог никогда не производил. Все знают, какой мягкий характер был у меня до замужества! Но человек из плоти и крови не в состоянии вынести того, что выношу я!

– Вы хотите видеть мисс Драгуел?

– Да, очень. Я всегда считала ее милой девушкой, немножко, правда, слишком смелой, способной говорить дерзости, но все же она славная девушка.

– Хорошо; я пошлю ее к вам и чем скорее, тем лучше, потому что, когда вести разойдутся, весь город поднимется. И я не удивлюсь, если народ нападет на ваш дом. Все придут в такое негодование! Надо уехать.

– О, – ответила миссис Форстер, – ничего не может служить извинением моему мужу; он слишком сильно раздражает меня!

– Значит, вы согласитесь уехать? – спросил ее врач.

– О, да, да! Но куда отправиться мне?

– Этого я, право, не могу придумать, и вам лучше всего посоветоваться с мисс Драгуел. Поверьте, миссис Форстер, я с величайшим удовольствием сделаю для вас все возможное в этом несчастном деле.

– Вы очень добры, – проворчала миссис Форстер, и Рамсен вышел из комнаты.

Рамсен отлично знал, до чего болтлива Бетси, и поэтому заговорил с ней о смерти Спиннея. Задолго до той минуты, когда врач вышел от миссис Форстер, весь Овертон уже толковал, что хотя мистер Спинней и не был убит сразу, как это уверяли вначале, он все же умер от раны, нанесенной ему современной Ксантиппой.

Через полчаса миссис Форстер доложили, что пришла мисс Драгуел. В это время сердитая женщина осыпала упреками мужа, которого вызвала к себе.

– Видите, сэр, – говорила она, – до чего вы довели вашу добрую и верную жену, которая заботилась о вас, которая...

– Да, действительно, – прибавила мисс Драгуел, слышавшая эти нападки и нарочно решившая стать на сторону миссис Форстер, чтобы овладеть ее доверием. – Действительно, сэр, полюбуйте последствиями вашего безумия, курения, пива! Пожалуйста, уйдите, сэр. Удивляюсь еще, как может миссис Форстер выносить ваше присутствие.

Никлас огляделся, хотел было бросить пару слов в виде мести, но яростное восклицание жены: «Уйдите!» – заставило его немедленно исчезнуть.

– Мы все говорили об этом печальном деле, дорогая миссис Форстер, – начала девушка, – и придумали единственный возможный план, который поможет вам спастись от наказания. Скрыть истину невысказано; мой отец и мистер Хильтон дадут суду такие показания, что вас обвинят в предумышленном убийстве и (тут девушка остановилась и поднесла платок к глазам) непременно повесят.

– Повесят! – визгливо вскрикнула миссис Форстер.

– Да, повесят, – ответила мисс Драгуел.

– Боже, Боже! – простонала миссис Форстер, заливаясь слезами, и прибавила: – Спасите, спасите меня, мисс Драгуел. О, этот глупый Никлас. О, о, о!

– Дорогая миссис Форстер, мы все решили, что есть только одна возможность спасения...

– Какая, скажите, моя дорогая мисс Драгуел? – умоляющим тоном спросила миссис Форстер.

– Притворитесь сумасшедшей, тогда вас признают ненормальной. Но вы должны показывать безумие, не то будет заметно, что вы притворяетесь. Мистер Рамсен знаком с доктором Баддингтоном, который заведует домом сумасшедших в Д. Это всего в девяти милях отсюда, он вас туда отправит, а когда окончится следствие, вы вернетесь. Предположат, что у вас было только временное помешательство. Вам нравится это предложение?

– Да, я была почти сумасшедшей, – ответила миссис Форстер, – мои нервы не могли вынести поведения моих мужа и сына; но мне не нравится мысль на самом деле поступить в дом сумасшедших. Разве нельзя...

– О, дорогая миссис, – вскрикнула Бетси, вбегая в комнату. – Кругом дома целая толпа; вас хотят вести в городскую тюрьму за то, что вы убили мистера Спиннея! Что сказать им? Я боюсь, что они ворвутся сюда.

– Пойдите, скажите им, что миссис сильно больна, что ее нельзя поднять с постели, что она не в своем уме. Слышите, Бетси? Скажите им, что она сумасшедшая.

– Хорошо, скажу, – ответила Бетси и, вытирая глаза, вышла из комнаты.

Мисс Драгуел придвинулась к окну. Хотя, благодаря рассказам Бетси, напротив дома собралась толпа, однако, в ней не замечалось желаний прибегнуть к насилию.

– Боюсь, что это уже поздно, – сказала девушка, возвращаясь к миссис Форстер. – Что за толпа! И какая раздраженная! Вас, конечно, повесят.

– О, нет! Я буду сумасшедшей... Я буду, чем хотите, моя дорогая мисс Драгуел!

– Скорее же; не надевайте платье... лучше юбку... Я одену вас.

Мисс Драгуел вытащила из ящиков множество перьев, цветных лент, наколола их на бинты, которые окружали голову миссис Форстер, потом, вынув фрак Никласа, всунула руки испуганной женщины в его рукава и застегнула на все пуговицы.

– Ничего, годится! – вскрикнула мисс Драгуел. – Вот кошка, возьмите ее на руки, подойдите к окну и баюкайте, как ребеночка. Я открою окно... выйдите вперед, поклонитесь народу, а я распушу по городу слух, что вы сошли с ума; остальное будет нетрудно.

– О, я не могу, не могу подойти к окну...

– Я его открою и поговорю с ними. – И мисс Драгуел распахнула оконные створки и крикнула, что миссис Форстер потеряла рассудок, но вполне безопасна.

– Безопасна! Она убила человека!

Перепуганная миссис Форстер подошла к окну и, повинясь советам мисс Драгуел, поклонилась толпе, покачала на руках кошку, закричала и расхохоталась, после чего девушка закрыла окно; толпа разошлась.

Через несколько минут все в городе говорили, что миссис Форстер сошла с ума, и толки об убийстве Спиннея замолкли, уступив место новой теме.

Глава VII

Мисс Драгуел ушла. Бетси воспользовалась суматохой в доме и побежала сплетничать с соседками. Никлас Форстер был в лавке, но не обратил никакого внимания на проходившую мимо него мисс Драгуел. По-видимому, он совсем забыл о случившемся и усердно работал.

Остальные сообщники мисс Драгуел решили, что они уже зашли достаточно далеко, но Фанни хотелось, чтобы миссис Форстер дня два пробыла в доме сумасшедших, и девушка рассчитывала, что Рамсден поможет ей в этом отношении. Однако Рамсден думал, что доктору Баддингтону, директору дома сумасшедших, не понравится эта затея, и отговаривал невесту от ее намерений.

– Напрасно спорить со мной, дорогой Джордж, – сказала Фанни. – Я до известной степени Дон-Кихот и буду мстить за тех, кто терпел от ее характера; кроме того, я надеюсь вылечить ее. Пусть хоть в течение часа она полюбуется на свое отражение, на то впечатление, какое производит на людей. Если в ней есть совесть, из этого выйдет только добро. Я начала дело из любви к шалостям; теперь выполняю его, чувствуя, что оно повлияет на благоприятные результаты.

– Но, моя дорогая Фанни!

– Я хочу этого, Рамсден, а потому не старайтесь отговорить меня; мы еще не обвенчаны, а потому позвольте мне поцарствовать. Вы не должны мешать укротить строптивую, я же обещаю вам, что не впаду в тот порок, который так ненавижу. Пошлите за экипажем, напишите письмо доктору Баддингтону и дайте мне распорядиться с миссис Форстер.

Рамсден сдался, написал письмо Баддингтону, в котором объяснил доктору все обстоятельства и попросил прощения за свою смелость.

Когда письмо было запечатано, Фанни Драгуел взяла слугу Рамсдена, села с ним в карету и отправилась к дому Никласа. Миссис Форстер лежала в постели в том же смешном наряде и с нетерпением ждала Фанни.

– О, миссис Форстер, мне пришлось преодолеть столько затруднений, – сказала мисс Драгуел. – Вот письмо к доктору Баддингтону, а в карете слуга Рамсдена. Чем скорее вы уедете, тем лучше; народ так раздражен и так оскорбительно бранит вас!

– Да? – спросила миссис Форстер, и в ней снова вспыхнула злоба.

– Да, да. Но не все ли равно, миссис Форстер? Теперь самое важное – уехать как можно скорее. Приказание арестовать вас может явиться каждую минуту, и тогда уже будет слишком поздно. Итак, идите же!

Миссис Форстер быстро сошла с лестницы. В почтовой карете ее ждал слуга Рамсдена. Едва она вошла в экипаж, как карета полетела. Слуга все время жался в уголок, точно он ехал в обществе тигра. Наконец экипаж остановился перед домом сумасшедших, и кучер, сойдя с козел, дернул за веревку большого колокола; послышался зловещий звон; от этого звука ужас наполнил грудь миссис Форстер.

Дверь отворилась; слуга понес доктору письмо Рамсдена. Но доктора не было дома; он получил отпуск и в данную минуту занимался рыбной ловлей, уехав куда-то миль за тридцать. Однако сторожа дежурили. Слуга мистера Рамсдена рассказал, что миссис Форстер сумасшедшая и что его господин просил принять эту больную. Никто не возражал. Через несколько минут вернулся слуга с двумя сторожами. Миссис Форстер высадили из кареты и отвели в приемную, где ей пришлось ждать. А слуга, положив на стол письмо к доктору Баддингтону, сел в карету и поехал обратно в Овертон.

К великой досаде миссис Форстер, один из сторожей взял стул и сел рядом с нею. Прошло около четверти часа; наконец она спросила, когда думает вернуться доктор.

– Он приедет в свое время, милая, – ответил сторож. – Ну, как вы чувствуете себя теперь?

– Мне холодно, очень холодно, – с дрожью ответила миссис Форстер.

– Эти бедные создания всегда жалуются на холод, правда, Джим? – заметил вновь вошедший сторож. – Куда мы посадим ее?

– Я поручил Тому приготовить номер четырнадцатый.

– Да не считаете ли вы меня сумасшедшей? – с ужасом вскрикнула миссис Форстер.

– Ну, тише, тише, – сказал сторож, сидевший подле нее, поглаживая ее по плечу, точно капризного ребенка. Бешенство, охватившее миссис Форстер, увидевшую, что ее считают безумной, вполне подтвердило для сторожей уверения слуги Рамсдена, который говорил, что он привез помешанную.

Вскоре миссис Форстер заперли в камере № 14. Она осталась одна со своими мыслями. Предыдущие сцены и то, что она пережила в больнице, все вместе до такой степени взволновало ее, что ночью у нее сделалось воспаление мозга, бред, и она кричала не меньше остальных несчастных, запертых в этой лечебнице.

Глава VIII

Слуга Рамсдена приехал в Овертон, рассказал, что доктора не нашел и что сдал сторожам миссис Форстер. Сторожа не сказали слуге Рамсдена, когда вернется Баддингтон, и Джордж, думая, что доктор уехал на один вечер, не стал больше расспрашивать об этом. Он сам предполагал дня через два съездить в лечебницу и привезти миссис Форстер домой. На третий день он приехал в дом сумасшедших и, увидев положение несчастной, горько пожалел, что уступил просьбам Фанни. Увезти миссис Форстер было невозможно; уверить же сторожей, что это не безумная, он не решился, так как этим обвинил бы себя. Поэтому Рамсден взял обратно свое письмо к Баддингтону, которого ожидали только через две недели, и вернулся в Овертон с тяжелым сердцем. Когда Фанни сказали о несчастном исходе ее затеи, печальное известие сильно потрясло ее, и девушка твердо решила больше никогда не повторять подобных шуток.

Ньютон Форстер, который очень торопился, вернулся в Овертон с грузом через несколько дней после помещения его матери в дом душевнобольных. Пробыв на берегу не больше десяти минут, молодой человек узнал печальную историю ее (предполагаемого) безумия. Он побежал домой. Отец встретил его со слезами. Никлас казался совсем потерянным без жены.

На следующее утро Ньютон отправился в лечебницу, чтобы узнать о состоянии здоровья матери. Его приняли; он увидел ее на постели в полном бреду; она кричала и не узнала сына. Ньютон отдал сторожам половину своих сбережений, упросив их ласково обходиться с больной, и вернулся в Овертон. Дома он заперся с отцом.

Через несколько дней городской глашатай объявил, что все имущество Никласа Форстера будет продаваться.

Хотя жена была источником досады для Никласа, но он так привык к ней, что без миссис Форстер чувствовал себя совсем несчастным. Ньютон видел, что отцу необходимо уехать, и не противоречил ему. У Никласа не было никаких определенных предположений, ему просто хотелось покинуть место, которое напоминало о тяжелых сценах.

Ньютон думал, что у отца есть какой-нибудь план, и не пробовал выводить его из состояния печали вопросами о том, что он задумал. Когда все было готово, Ньютон спросил отца, как они пойдут в путь.

– Наружные места в дилижансе дешевле всего, – ответил Никлас. – Сегодня же с вечера закажи нам места.

– А куда мы поедем, отец?

– Право, не знаю, – ответил точно только что проснувшийся Никлас.

Последовало совещание, и после долгих переговоров было решено, что Никлас поселится в Ливерпуле. Судно, которым управлял Ньютон, испортилось; на исправление его нужно было употребить довольно долгое время, а потому Ньютон получил отпуск на несколько дней. Взять с собой сундук, выловленный из воды, молодой Форстер не мог, он был слишком велик, а потому его и еще несколько малоценных вещей оставили на попечении мистера Драгуела.

В Ливерпуль они приехали с самым маленьким запасом денег, и в этом городе у них не было друзей.

Никлас нанял маленькую лавку; Ньютон пробыл с отцом как можно дольше, чтобы по мере сил помогать ему и поддерживать его; наконец молодой человек был принужден вернуться в Овертон и снова взяться за управление судном Хильтона. Прежде всего он отправился в дом сумасшедших; там ему сказали, что его мать стала спокойнее, но ослабела, и его не пустили к ней. Доктор Баддингтон еще не вернулся, но врач, который заменял его, сказал Ньютону, что если миссис Форстер оправится от тяжелой острой болезни, к ней вернется рассудок.

Ньютон приехал в Овертон с более легким сердцем и на следующий же день повел свое судно в Бристоль. Встречные ветры задержали его рейс на две недели. В Бристоле он узнал,

что груз для него еще не готов, и ради развлечения пошел осматривать город и его окрестности. Наконец судно нагрузили товаром. Ньютон постарался поскорее получить пропуск и другие бумаги из таможни и сговорился с фирмой, нанявшей его судно. Было поздно, но светила полная луна, дул хороший ветер, и потому молодой человек решил отплыть в ту же ночь. Спрятав бумаги под сюртук, который он аккуратно застегнул, Ньютон вышел на мол. Вдруг на него сзади набросились два силача и схватили его; мгновенно сильный удар по голове оглушил Форстера; он упал на землю.

Оставив моего главного героя в таком печальном положении, я перейду к менее важным действующим лицам этой истории.

Доктор Баддингтон вернулся и застал миссис Форстер в разгаре болезни. Как и следовало ожидать, он нашел, что она в здравом уме, однако поверил сторожам, уверявшим, что ее привезли в состоянии полного помешательства и что ее прислал доктор Рамсден. Рамсден решил до поправления миссис Форстер ничего не говорить главному врачу больницы. Скоро она действительно начала поправляться. Но как медленно и скучно шло для нее время! Ее ум переполняла тревога и – что несравненно важнее – раскаяние. Вспоминая свое прошлое, она приходила в ужас. Заливаясь слезами, простирая руки, миссис Форстер на коленях просила милосердия и забвения у того, к кому никогда не зывают тщетно. Владычество бешеных страстей миновало: ее сердце изменилось.

Доктору Баддингтону она ни на кого не жаловалась и ничего не объясняла; ей хотелось только выйти из дома сумасшедших, едва ее здоровье окрепнет, и тогда доказать мужу, как искренне и полно изменилась она. Когда миссис Форстер в первый раз вышла в сад, она села на скамейку и там случайно услышала разговор о себе. Говорили сторожа.

– А почему она помешалась, Том?

– Говорят, она всю жизнь была не лучше, – ответил Том. – И крыса не захотела бы жить с ней в одном доме! Ведь в припадке бешенства она чуть не убила старого Спиннея, клерка! Стали толковать, что он умер. Ну вот, совесть, или что-то там в этом роде, и свела ее с ума.

– Так он, значит, не был убит?

– Да нет же! Я его видел и говорил с ним в позапрошлом воскресенье.

– А что случилось с ее мужем и с этим красивым малым, ее сыном?

– Никто не знает. Старик, славный такой, – как не стыдно этой ведьме, что она так портила ему жизнь, – совсем упал духом и не захотел оставаться в Овертоне. Он уехал с сыном, и где он теперь живет, никому не известно.

– А молодой?

– Он вернулся и опять водит барки. Он два раза приезжал сюда справляться о матери. Бедняга! Жаль было смотреть, как он печалится о старухе. Он нам с Билем дал по шее за то, чтобы мы были с ней ласковы. Но три дня тому назад судно пришло без него. Думают, что он свалился с пристани в Бристоле и утонул; никто ничего не слышал больше о нем.

– Ну, Том, а старуха-то теперь совсем поправилась?

– Да. Только где ее муж и сын? Никогда больше не придется ей их поездом есть, уж это верно.

Трудно описать чувства миссис Форстер. Тяжелое бремя свалилось с ее души: мистер Спинней не умер. Но сколько бед могла оплакивать она! Ее предательски увезли люди, которые негодовали на нее, но не имели права ее карать. Полное нежности отношение к ней ее сына и мужа, исчезновение одного, предполагаемая смерть другого – все это были такие удары, которые почти совсем ошеломили несчастную. Шатаясь, она вернулась в свою камеру, и волнение вызвало у нее новый припадок лихорадки; много дней она не вставала с постели.

Глава IX

Мы оставили Кьютона без чувств; однако он не долго пролежал так. Скоро двое малых в синих куртках, с дубинами в руках и пистолетами за пазухой, отнесли его в лодку и доставили на палубный катер, стоявший на якоре в сотне ярдов от берега.

Ньютон очнулся, и неясное зрение показало ему что-то, блестящее над ним. Когда он пришел в себя лучше, то увидел человека, который светил ему огарком прямо в глаза, чтобы судить, произвело ли кровопускание действие. Ньютон постарался сообразить, где он и что с ним случилось, и от напряжения снова впал в состояние столбняка. Наконец он очнулся, точно от сна смерти, и увидел, что лежит на палубе, а какая-то женщина смачивает ему лоб водой.

– Где я? – вскрикнул Ньютон.

– Вы хотите знать, где вы? Да на палубе «Быстрого», и я смотрю за вами, милый мой.

– Кто вы?

– Кто я? Если я никто другой, так, верно, Джуди Мелони, жена помощника боцмана.

– Как я сюда попал?

– Да вы не попали, милый мой, вас принесли.

– Как меня сюда доставили?

– Право, не знаю как; и в то в гичке, не то в шлюпке.

– А зачем?

– Это, я думаю, я знаю. Чтобы вы послужили королю и отечеству.

– Значит, меня завербовали?

– Да, золотой, могу в этом поклясться над Библией, Вам пришлось нелегко, но это значит, что вы были нужны.

Ньютон слушал и думал о положении отца, о том, как старику будет плохо жить без него; подумал также о состоянии своей несчастной матери и снова упал на палубу.

– Как ему худо, – прошептала Джуди. – Ну, он не мой земляк, это ясно как день, потому что, если бы так, он никогда не стал бы поднимать столько шума из-за пустяков! – И Джуди, подобрав платье, ушла.

До рассвета Ньютон пролежал в состоянии болезненного полусна. Наконец его разбудили звуки проходивших мимо лодок и громкий говор на палубе. Он не сразу вспомнил все, что произошло; однако перевязанное плечо, влажные волосы, лицо, жесткое от запекшейся крови, – все вместе заставило его вспомнить то, что сказала Джуди: его завербовали. Средняя межпалубная часть катера была пуста, только в гамаках над головой Форстера покачивались люди, и он, желая узнать что-нибудь новое, прополз под гамаками к лесенке и поднялся на палубу.

Около двадцати хорошо вооруженных матросов высадили из шлюпок человек двадцать, доставленных Ни судно. Офицер приказал им отправиться на корму. Ньютон заметил, что со многими из вновь доставленных, по-видимому, поступили не лучше, чем с ним. Некоторые из них были страшно обезображены и обливались кровью.

– Сколько их всего, мистер Винцент? – спросил лейтенант у помощника капитана, обладателя страшных бакенбард, которые сходились на шее.

– Семнадцать, сэр.

– А прежде сколько было? Помнится, двадцать шесть?

– Двадцать семь вместе с малым, которого я прислал сюда ночью.

– Хорошо, этого довольно. Пропустите их в трюм, да поставьте решетку на все время, пока мы останемся в гавани. Как только маленькая шлюпка будет на палубе, поднимите якорь.

– Она скоро вернется. Я приказал ей дожидаться Томсона и Мертсона, которые не вернулись с нами.

– Вы думаете, они ускользнули?

– Нет, не думаю, сэр. Вот маленькая шлюпка отчаливает.

– Хорошо, отправьте новобранцев в трюм и заприте их, – ответил лейтенант. – Поднять паруса, привести в движение ворот!

Ньютон решил, что теперь ему следует сказать, что он капитан судна и потому не подлежит вербовке. Он подошел к лейтенанту и начал:

– Прошу прощения, сэр...

– Кто вы такой? – резко прервал его лейтенант.

– Вчера ночью меня насильно завербовали, сэр. Можно поговорить с вами?

– Нет, нельзя.

– Это могло бы вас избавить от беспокойства, сэр...

– Мне будет спокойнее всего, если я вас отправлю вниз. Мистер Винцент, проводите этого человека в трюм. Почему он на свободе?

– Он, кажется, был в руках доктора, сэр. Сюда, сердечный, ну, пошевеливайтесь!

Ньютон хотел возражать, но двое из вербовщиков схватили его за шиворот и без церемоний толкнули к переднему люку. Сняли решетку; Ньютона опустили в трюм, где он очутился в обществе сорока завербованных, почти задохавшихся от недостатка воздуха. Весь их разговор – если можно было назвать это разговором – состоял из непрерывной цепи проклятий, ругательств и клятв жестоко отомстить.

Маленькая шлюпка вернулась; она принесла только двоих гребцов, остальная часть ее экипажа, вместе с Томсоном и Мертоном, воспользовалась случаем бежать от рабства. Посыпались проклятия на виновных. Наконец командир велел поднять якорь, и судно двинулось в море.

Лейтенант получил приказание доставить живым свой живой груз, поэтому, едва судно его величества очутилось в море, люки открыли и завербованным позволили выйти на палубу: сначала одной половине всех захваченных, потом другой. Два матроса с обнаженными кортиками стояли подле люка на тот случай, если бы какой-нибудь недовольный стал спорить и противиться распоряжениям начальства.

Ньютон так страдал во время своего заключения, что был искренне благодарен, когда ему позволили выйти на палубу. Над головой виднелось ясное небо, и судно шло со скоростью семи или восьми миль в час. Это было, как выражаются моряки, «мокрое судно»: волны то и дело хлестали через его борт. Ньютон омыл этой водой лицо и голову, почувствовал, что ожил, и стал смотреть, как судно бежит вдоль берега. Кругом него были чужие люди, и самые твердые из них не могли не жаловаться на судьбу.

– Куда мы идем? – спросил Ньютон человека, стоявшего рядом с ним.

– Надеюсь, в ад, вместе с теми, кто нас сюда притащил, – ответил тот, скрежеща зубами.

В эту минуту на палубу вышла Джуди Мелони с корзинкой, полной картофельной кожуры, которую она собиралась выкинуть за борт. Ньютон ее узнал и поблагодарил за доброту.

– Вы красивый мальчик; теперь, когда вы умылись, это видно, – ответила Джуди. – Пусть плохо будет тому, кто так ударил вас. Я спрашивала мужа, не он ли это сделал; говорит, не он, и клянется своим спасением, что вас угостил Тим О'Коннор; это такое животное!

– Куда мы идем? – спросил Ньютон.

– Сейчас пойдем обедать.

– Нет, куда судно идет?

– Судно? Конечно, в Плимут. Там вас ждут.

– Кто ждет?

– Три фрегата, ведь они же не могут уйти в море без моряков. Это бедные бессловесные существа и сами ничего не могут делать.

– А вы знаете, куда пойдут фрегаты?

– Они пойдут разговаривать, – ответила Джуди я прошла на нос.

На следующий день катер бросил якорь. Выслали шлюпки и переправили завербованных на сторожевое судно. Ньютон к своей досаде увидел, что тут и с ним, и со всеми остальными обошлись, как с настоящими узниками. В тот же день после полудня с востока пришел другой корабль с целой партией преступников, за нарушение закона осужденных служить на военном фрегате. Между осужденными и завербованными не делали никакого различия: со всеми обращались одинаковым образом. Всем велели сесть в шлюпки, и меньше чем через час Ньютон очутился на палубе прекрасного фрегата, готового к отплытию.

Глава X

Первый лейтенант собрал новобранцев на квартердеке и спрашивал их поочередно, знакомы ли они с морем, могут ли бросать лот и держать руль. Выслушав ответы, он отослал их прочь. Ньютон опять хотел было объяснить свое положение, но, подумав, решил дожидаться капитана. В этот вечер новобранцам не дали ни постелей, ни одеял. Шлюпки подняли; вооруженные ружьями и боевыми патронами часовые были поставлены у сходов для предупреждения дезертирства.

На рассвете все вышли на палубу. Фрегат отвязали, но якорь еще оставили внизу. Из мичманов фрегата один должен был наблюдать за насильно завербованными и предупреждать их бегство; другие отправились на берег, чтобы рапортовать капитану о прибытии судна; в то же время нижние паруса распустили, и все приготовили к отплытию. К своему великому огорчению Ньютон понял, что едва капитан появится, корабль пустится в море. Действительно, едва войдя на палубу, капитан приказал поднять свою шлюпку, потом поставить паруса, а сделал эти распоряжения, прошел в рубку. Через три минуты Ньютон понял, что в настоящее время у него не осталось ни малейшей надежды на освобождение. Действительно, корабль отплыл.

Когда капитан появился на палубе, он приказал старшему лейтенанту отправить на задние шканцы всех вновь набранных людей и в коротких словах объяснил им, что их служба – дело необходимое. Исполняющим свои обязанности он обещал не забыть о них. Когда он обратился к Ньютону, молодой человек ответил, что он сам управлял судном и что поэтому избавлен законом от насильственной вербовки.

– Это легко проверить, – заметил капитан. – Где ваши доказательства? Ваша молодость почти опровергает такие утверждения.

– Вот мои бумаги, сэр, вот удостоверение таможни, приказ о высадке; все это у меня было в кармане, так как я собирался увести свое судно за несколько минут до того времени, когда был завербован.

– Да, все это верно, – сказал капитан, рассматривая документы. – Ваше имя?

– Ньютон Форстер.

– Это ваша подпись?

– Моя, сэр.

– Пусть клерк принесет сюда перо и чернила. Приказание было исполнено.

– Теперь напишите ваше имя, – сказал капитан. Форстер написал. Капитан и лейтенант сравнили его почерк с подписью на приказе для высадки.

– Почему вы раньше не сказали обо всем этом? – спросил капитан.

– Я несколько раз пытался сказать, но мне запрещали говорить, – ответил Ньютон; потом рассказал, как с ним поступили при вербовке и как обходился с завербованными командир вербовочного судна.

– Если все, что вы говорите, правда, а мне кажется, что это правда, вы, конечно, не подлежали вербовке, – сказал капитан. – Ваше положение тяжело, но что я могу сделать? Мы в открытом море и, вероятно, будем крейсировать в течение нескольких месяцев. Конечно, вы не можете без дела жить на военном корабле и пока останетесь с нами; вам придется нести известные обязанности. Служить своей стране не позорно, в качестве кого бы вы ни служили ей. Откровенно скажу вам, что, хотя я, конечно, не завербовал бы вас, я очень рад, что вы на моей палубе. Лучше бы у меня было пятьдесят человек вроде вас, чем множество тюремных подонков, которых мне приходится смешивать с лучшими моряками.

– Может быть, сэр, вы будете так добры, что отправите меня обратно на одном из возвращающихся в Англию судов?

– Нет, этого я сделать не могу; вы занесены в судовые книги, и после возвращения вопрос о вас должно рассмотреть. Я сочту своей обязанностью позаботиться об этом; однако я надеюсь, что до той поры вы добровольно поступите на службу.

– А в это время мой бедный отец может умереть с голоду, – произнес Ньютон, не обращаясь к своим собеседникам, а просто вслух высказывая свою мысль.

Капитан отошел и вместе с лейтенантом несколько раз прошелся по квартердеку.

– Это тяжелые обстоятельства, – наконец сказал он. – Форстер, вы знаете мореплавание?

– Да, сэр, я умею вычислять и измерять высоту солнца.

– Хорошо, это годится. Мистер Питсон, отпустите новобранцев. Их посадили за столы?

– Да, сэр.

Первые дни Ньютон плохо чувствовал себя, все для него было ново: размеры фрегата, точное и строгое распределение времени и занятий, строгость дисциплины; но вскоре он понял, что человеку, точно исполняющему свои обязанности, нетрудно служить на военном корабле. Был ужасен только тот способ, при помощи которого его заставили поступить на фрегат. И хотя Форстер часто вздыхал при мысли об отце и матери, он бодро и охотно исполнял данное ему дело и был на хорошем счету.

Капитан Норсфлит оказался добрым и человеколюбивым начальником; старший лейтенант шел по его стопам. Не прошло и шести недель, как команда дисциплинировалась; все были довольны. К тому же постоянное преследование вражеских судов, желание захватить их и ожидание призовых денег заставили большинство завербованных забыть о случившемся или, во всяком случае, перестать жаловаться. Постоянные упражнения в пушечной стрельбе порождали во всех жажду встречи с неприятелем одинаковой силы. Другие суда снабжали фрегат «Терпсихора» запасами провизии и пищи, и корабль благополучно крейсировал девять месяцев.

В течение этого времени несколько призовых судов было отправлено в Англию. Благодаря тому, что многие из экипажа сопровождали захваченную добычу, количество людей на «Терпсихоре» уменьшилось, хотя некоторые моряки возвращались на фрегат с другими кораблями.

Однажды с верхней реи заметили чужой парус, и в короткое время «Терпсихора» нагнала иностранца. Судно быстро подняло, но почти тотчас же, в знак покорности, опустило трехцветный флаг. Это был французский бриг, который шел к мысу Доброй Надежды с боевыми припасами и другим грузом. На «Терпсихоре» уже не осталось ни третьего лейтенанта и ни одного мичмана, способного вести судно; между тем, видя ценность брига, Норсфлит решил отправить его в Англию. Когда встал вопрос, кого можно назначить капитаном добычи, старший лейтенант укачал на Форстера. Капитан согласился. И вот Ньютон с пятью матросами и двумя французскими пленниками, которые должны были помогать ему, перешел на палубу «Эстель», получив письменный приказ войти в гавань Плимута, а там передать призовое судно адмиралу.

Капитан Норсфлит при этом вернул ему документы его баржи и дал письмо к адмиралу, рассказывая в нем все. Сообщив молодому человеку содержание своего письма, Норсфлит посоветовал все же ни бросать морской службы и обещал с бака перевести его на квартердек в качестве одного из помощников капитана. Ньютон поблагодарил капитана, обещал подумать о его предложении и через пять минут был уже на палубе брига «Эстель».

Очувтившись вне фрегата, Ньютон ликовал; правда, на палубе «Терпсихоры» ему было хорошо, но все же теперь он освободился от невольного рабства.

Бриг «Эстель» был отличным судном и, благодаря не слишком тяжелому грузу, легко и быстро шел по воде. Поэтому Ньютон надеялся, что через две недели будет дома.

Наряд служащих, отправленных на бриг вместе с Ньютоном, состоял из двух прекрасных матросов и трех человек из сброда, набранного в тюрьмах. Капитан Норсфлит отпустил пер-

вых, так как было необходимо, чтобы часть экипажа призового судна умела водить корабли и править рулем; с бывшими заключенными он надеялся никогда больше не видаться, в уверенности, что, попав в Плимут, они немедленно сбегут.

В течение первых десяти дней дул благоприятный ветер, и «Эстель» была уже не遠далеке от прилива, когда заметили, что к бригу с норд-веста идет судно; по виду оно походило на каперскую шхуну, но было ли оно неприятелем, или другом, никто не мог решить. На палубе «Эстель» стояли две маленькие латунные пушки, помещавшиеся на баке, и Ньютон, желая узнать, какой нации принадлежит капер, поднял на бриге французский флаг и дал пушечный выстрел. Через минуту на шхуне появились английские цвета, но Ньютон, все еще неуверенный, приготовился к тому, чтобы поставить свой бриг по ветру, зная, что он скорее всего идет фордевиндом. Капер был теперь на расстоянии двух миль от «Эстели», когда Роберте, один из моряков, решительно заявил, что, по его мнению, это французская шхуна, и в подтверждение своих слов указал на некоторые особенности в ее оснастке и постройке, заметные только опытному матросу.

– Лучше уйти! Если это француз, он скоро покажет нам это, открыв огонь, – прибавил Роберте.

Ньютон держался того же мнения. Бриг пошел по ветру, и мало-помалу на нем распустили все паруса. Капер немедленно тоже отпустил все рифы, натянул большой парус-грот, выкинул французский флаг, и вот через несколько минут между такелажем «Эстели» прожужжало ядро и упало перед носом брига.

– Я так и думал, – вскрикнул Роберте. – Это Джонни Крано! Ну, бриг идет хорошо, через два часа стемнеет, и мосье должен торопиться, не то мы все-таки уйдем.

Теперь капер был всего в одной миле от брига. Оба судна шли во всю. Через полчаса капер приблизился и очутился всего в трех четвертях мили от «Эстели».

– Я думаю, наши ядра скоро будут долетать до них, – сказал Ньютон. – Уильямс, дайте мне руль. Сами идите с Робертсом и другими и перекатите пушки на корму. И поскорее, ребята; шхуна идет по пятам.

– Идемте, – подхватил Роберте. – Почему вы не шевелитесь, Коллинс? Не хочется ли вам посмотреть, какие помещения во французской тюрьме? – прибавил он, обращаясь к одному из бывших осужденных.

– Не особенно, – ответил другой из бывших воров, Томсон. – Ты, кажется, побывал во всех английских тюрьмах, Бен. Правда?

– Может быть, – ответил Коллинс. – Только один джентльмен не должен вмешиваться в дела другого. Меня, во всяком случае, не бичевали, как тебя!

– Нет, но на «Терпсихоре» ты отведал розг, Бен, – ответил Гильсон, третий из бывших заключенных.

Скоро пушки стояли на месте; боевые припасы были принесены на палубу. Ньютон передал руль Уильямсу и стал распоряжаться одной пушкой, Роберте – другой. А капер все приближался.

Теперь ядра могли до него долетать, и «Эстель» открыла сильный огонь.

Это немного задержало шхуну. Пушки, перемещенные на корму, ускорили ход брига; между тем шхуна была принуждена стрелять с носа, и это замедляло ее движение. Тем не менее каперское судно шло быстрее брига и понемногу приближалось к нему.

– Вам незачем подходить так близко к нам, – сказал Роберте двум французам, которые были на бриге. – Идите на бак и не попадайтесь нам на дороге. Знаете, этот малый задумал недоброе; французик что-то поглядывал на боевые припасы, – прибавил он обращаясь к Ньютону. – Слышите, идите на бак, не то я разобью ваши французские черепа!

– Не трогайте их, Роберте, – остановил моряка Ньютон.

– Не трону, если они не будут у меня на дороге. Слышите, идите на бак! – опять крикнул Роберте французам, делая им рукой знак уйти.

В ответ французы только ослабились; один хотел, было исполнить данное ему приказание, как ядро с капера почти перерезало несчастного на две части. Другой француз, бывший близ него, бросился вниз, в каюту.

– Это, по крайней мере, было послано недурно, но не в него метили, – заметил Роберте, поглядывая на труп. – Бросить его за борт?

– Нет, пусть останется лежать тут. Если нас схватят, они увидят, что это дело их собственных рук.

– Хорошо, только унесите его с дороги.

Второе ядро со шхуны упало спереди, в трюм. Француз-пленник выбежал на палубу так же поспешно, как за несколько минут перед тем бежал в каюту.

– Теперь опять я попытаю счастья, – сказал Роберте. Но Ньютон выстрелил раньше, чем Роберте приготовился. Ядро разорвало один из верхних парусов.

– Это даст нам возможность отойти немного подальше... Теперь моя очередь.

Роберте выстрелил и был счастливее: его снаряд снес верх передней мачты, с которой упали паруса.

– Хорошо, моя медяшечка, – сказал Роберте, ласково похлопывая по оружию. – Только выведи нас из этой переделки, и я очищу тебя, будешь блестеть, как серебро.

Поняла ли пушка его слова, или, что было вернее, маленькое расстояние до шхуны сделало выстрелы из нее эффективнее, но оно повредило большей части парусов и оснастки капера. Однако неприятель скоро исправил повреждения. Шхуна перестала стрелять из большого орудия, а вечером в темноте подошла на расстояние четверти мили от брига и открыла усиленный ружейный огонь.

– Горячо, – заметил Уильямс, стоявший на руле, и показал на отверстие, пробитое пулей в его куртке.

– Пожалуй, слишком жарко, – заметил Коллинс, осужденный. – Не понимаю, зачем нам подвергать опасности жизнь из-за жалкой доли призовых денег? Я подаю голос за спуск флага.

– Нет еще, нет еще, мои молодцы, – возразил Ньютон. – Попробуем дать еще несколько выстрелов.

– Попробуем, конечно, – согласился Роберте. – Я знаю, что усиленное преследование будет длиться долго.

– Тем хуже, – ответил Коллинс. – Впрочем, вы делайте, как вам угодно, а я на нос.

– Ты умный малый, Бен, мы за тобой, – сказал Гильсон.

– Птицы одной породы держатся вместе; я, Бен, а тобой, – прибавил Томсон.

И осужденные ушли вниз, скрылись от ружейного огня. Роберте и Ньютон стреляли, Уильямс правил рулем, Француз ушел с палубы раньше преступников.

Шхуна была близко; огонь ружей был ужасен. Все английские моряки получили легкие раны; но вот, уже среди полной темноты, один из выстрелов брига оказался удачнее других. Главная мачта шхуны была разбита надвое или так повреждена, что французам пришлось спустить грот. Бриг же теперь шел быстрее; между ним и шхуной быстро увеличивалось расстояние, и через несколько минут англичане потеряли шхуну из виду.

– Ур-ра! – крикнул Роберте.

На небе не было ни звезды, стояла густая тьма. Ньютон посоветовался с Уильямсом и Робертсом, и все вместе решили, что лучше всего остановиться, свернуть паруса и позволить капери обогнать себя. Это было приведено в исполнение; теперь, когда опасность прошла, трое осужденных явились на помощь.

На следующее утро наступила туманная погода, я шхуна, которая, вероятно, распустила все паруса, в погоне за бригам обогнала его.

Она исчезла.

Ньютон и его экипаж поздравили себя с успехом. Бриг вступил в воды пролива. Все уже надеялись через каких-нибудь двадцать четыре часа очутиться в безопасности. Но им не удалось это. Около полудня с левой стороны появилась та же шхуна. Перед сумерками она подошла близко, и Ньютон, видя, что защищаться невозможно, поднял сигнальный флаг сдачи.

Глава XI

Несмотря на сигнал, экипаж шхуны, подошедшей к бригу, дал залп. К счастью, Ньютон и его экипаж были внизу, надеясь захватить с собой несколько перемен белья, что в тюрьме могло оказаться очень полезно. Таким образом, залпом был убит только последний из оставшихся в живых пленников-французов.

С капера прислали шлюпку. Человек двенадцать французов, размахивая кортиками, бросились на палубу «Эстели», но увидели только тело своего соотечественника. По их приказанию выйти на палубу из каюты показались Ньютон и его товарищи с узелками в руках. Но победители отняли у них все вещи и приветствовали ударами кортиков. Ньютон, зная, что сопротивление ни к чему не приведет, покорился. Преступники, привыкшие к переделкам, тоже безропотно подчинились своей доле. Но Роберте и Уильямс, невзирая на убеждения Ньютона, не хотели сдаться так спокойно. Прежде всего Роберте увидел труп француза-пленника.

– Я говорил тебе, Джанни, – произнес он, – что тебя убьют. Вы, сердечные, все ваши пули приберегаете для своих же друзей, – обратился он к матросам шхуны.

Произошла драка; французы били англичан кортиками плашмя. Уильямс в бешенстве вырвал оружие из рук одного француза и всадил его в него, а Роберте бросился с кулаками на часовых и двоих уложил на палубу. Однако обоих пересилили и израненных, в крови, бросили в шлюпку; она отчалила и направилась к шхуне.

Там Ньютона и остальных англичан оттолкнули на корму, обыскали и сняли с них все платье, казавшееся хорошим. Коллинс оказался отличной добычей: на нем было несколько рубашек, несколько пар носков; французы спрашивал себя, когда же они доберутся до человека. Наконец его разоблачили и оставили почти без одежды. Тогда Ньютон, на котором был еще жилет и рубашка, бросил жилет преступнику. Тот, поблагодарив его, шепнул: «Мне все равно; они оставили мне мою старую шляпу».

Еще до утра шхуна вошла в скалистую гавань Морлю, и жандармы отвели пленников в тюрьму. По дороге туда Коллинс забавлял зрителей и удивлял своих товарищей, поднимая руки и держа их то в одном, то в другом положении. Когда пленных заперли, он подошел к решетчатому окну и стал показывать те же самые жесты толпе, собравшейся под окнами. Ньютон, который подошел к окну, спросил Коллинса, зачем он это делает.

– Для себя и для вас, – ответил преступник, – по крайней мере, надеюсь на это, ведь во всех странах есть франкмасоны.

Через несколько минут один из толпы подошел к часовому и сказал, что пленники знаками просят воды. Жандарм послушал своего соотечественника, который говорил, что, во имя сострадания, нужно оказать заключенным необходимую милость. Воду принесли; в ту же минуту человек, говоривший с жандармом, знаком, заметным только для Коллинса, показал, что его просьба понята.

– Отлично, – сказал Коллинс Ньютону, отходя от решетки. – У нас есть друзья и снаружи, и внутри.

Приблизительно через час узникам принесли хлеба, и в числе вошедших с пищей Коллинс узнал человека, который ответил на его сигнал; других переговоров не было. В полдень дверь тюрьмы снова открыли, пришел врач и перевязал раненых. С ним явилось еще трое посланных губернатором города для расспросов, а знакомый Коллинса выступил в роли переводчика. Пока хирург перевязывал раны Уильямса и Робертса, раны многочисленные, но не серьезные, было задано много вопросов и получено много ответов через переводчика. Переводчик говорил по-английски слишком хорошо для француза; вероятно, это был переселившийся в эту область русский или датчанин. Он начал:

– Никто, кроме меня, не понимает здесь английского языка; но они подозрительны; будьте осторожны. Как ваше имя?

– Бен Коллинс.

– Как? – по-французски спросил чиновник. – Бен Колен? Хорошо, продолжайте.

– Какой у вас ранг на корабле, *а также в ложе?*

– Обыкновенный матрос, *мастер*, – ловко ответил Коллинс.

– Как? – спросил француз, державший перо.

– Матрос, – по-французски ответил переводчик.

– Спросите у него название судна.

– Как называется ваш корабль? *Чем мы можем вам помочь?*

– «Терпсихора»; *лодкой с провизией.*

– Как?

– Фрегат-крейсер «Терпсихора».

– Он хорош на ходу? *Когда?*

– *Сегодня вечером, и проводника.* – Что он говорит?

– Судно идет хорошо в открытом море.

– Спросите, каковы их силы, – продолжал по-французски ЧИНОВНИК.

– Сколько пушек? *Как вы уйдете из тюрьмы?*

– Тридцать шесть; *у меня есть средства.*

– Тридцать шесть пушек, – повторил по-французски переводчик.

– Хорошо, а экипаж?

– Сколько матросов? *Когда стемнеет, я буду здесь.*

– Двести семьдесят, но многие ушли на призовых судах.

Допросили также Ньютона и остальных. Все имена записали.

– Ну, теперь, я думаю, если постараться, мы уйдем отсюда, – сказал Коллинс, обращаясь к Ньютону и остальным. – Когда мне хотелось погулять на свободе, ни одна английская тюрьма не могла меня удержать. Решетки – час времени!

Тут Коллинс снял свою старую шляпу, поднял ее подкладку и вынул оттуда множество, сделанных из часовых пружин маленьких пилок, напильников и других инструментов.

– Поработаем и баста, – прибавил он.

– Бен, – спросил его Гильсон, – кто твой друг?

– Может быть, губернатор, не знаю; только мы можем доверять ему и любить его – вот это верно. Ну, теперь кто-нибудь подойдите к решетке, чтобы меня не увидели.

Неожиданная надежда на освобождение вызвала тревожную радость среди заключенных. День казался им бесконечным.

Наконец стемнело; облачное небо и дождь оживили надежды пленных. Площадь перед тюрьмой опустела; часовой скорчился подле входа в тюрьму, что отчасти защищало его от непогоды. Вот кто-то заговорил с солдатом.

– Вероятно, *он* идет, – сказал Коллинс. – Не шумите внизу; я думаю, его помощник, который хочет отвлечь внимание жандарма.

– Не шумите, – послышался голос за решеткой снаружи.

– Я здесь, – тихо сказал Коллинс.

– Как вы выберетесь из тюрьмы?

– Когда мы перестанем петь, уведите часового; в эту минуту брусья решетки будут вынуты.

– Там, снаружи, все готово. Когда вы освободитесь из тюрьмы, идите вправо, поближе к стене. Если я не буду здесь, я встречу вас на углу.

И франкмасон исчез.

– Ну, Томсон, пой, только не очень громко, – сказал Коллинс, – мы можем работать вдвоем.

Томсон запел; Ньютон взял из рук Коллинса маленькую пилку и стал пилить по его указаниям. Брусья уступали, как дерево, поддаваясь хорошо закаленным инструментам Коллинса. Через полтора часа три бруса были бесшумно удалены, и в отверстие без труда мог проскользнуть человек. Голос Томсона звучал довольно хорошо, и его пение не только заглушало шум работы, но еще и занимало часового, который, стоя спиной к стене, слушал мелодию.

Томсон смолк; наступила тишина, полная тревоги; через несколько мгновений часовой опять с кем-то заговорил. Голоса удалялись, замирали.

– Пора, брат, – слышалось под окном.

Через минуту все пленные были вне стен тюрьмы. Молчаливо прошли они вслед за своим проводником до пристани.

– Вот лодка и достаточное количество съестных припасов, – шепотом сказал масон. – Вам придется миновать часовых на скалах, но больше мы ничего не можем для вас сделать. Прощайте, брат; желаю счастья вам и вашим товарищам.

И, сказав это, масон исчез.

Стояла такая темная ночь, что, несмотря на близость к лодке, они еле различали ее абрис. Ньютон, советуя остальным быть осторожнее, вошел в ладью, остальные за ним. Роберте, зрение которого немного пострадало от ран, споткнулся об весло.

– Кто идет? – крикнул часовой со скалы.

Ответа не было. Все замерли. Солдат подошел к краю скалы и глянул вниз, но ничего не различив и не услышав ни звука, вернулся на свой пост.

Некоторое время Ньютон не позволял своим товарищам шевелиться. Потом весла осторожно подняли, в уключины положили платье, чтобы заглушить стук; наконец лодку оттолкнули от пристани. Был отлив; беглецы позволили баркасу плыть по одному из узких рукавов, составлявших вход в гавань.

Теперь шел частый дождь, и, желая уйти от берега до света, Ньютон решил, что можно начать грести. Он и Коллинс взялись за весла, но едва сделали они три удара, как один из часовых услышал шум и выстрелил в их направлении.

– Грести как можно скорее, – крикнул Ньютон, – это наше единственное спасение!

Еще и еще выстрел. Началась тревога, замелькали огни; французы размещались по гребным шлюпкам. Беглецы с удвоенной силой налегли на весла и с помощью отлива и темноты скоро очутились вне досягаемости ружейных выстрелов. Тогда они сложили весла, поставили мачту и на парусах пошли в море.

Отплыли они в девять часов вечера, а на рассвете французский берег уже исчез. Радостно напали бежавшие на провизию, открыли бочонок вина, и, может быть, никто из них никогда не завтракал так весело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.